

Сергей Галихин

**Эра Водолея, или Каждый
имеет право знать**

«Галихин Сергей »

2001

Галихин С.

Эра Водолея, или Каждый имеет право знать /
С. Галихин — «Галихин Сергей », 2001

ISBN 978-5-04-015570-5

«Деревянный ящик, в котором Рома хранил картошку, захрустел досками и сдвинулся к лестнице еще сантиметров на десять. Прихрамывая на правую ногу, Константин Зубков вышел на улицу, остановился у открытой двери подъезда, поднял вверх голову и, прищурив глаза, посмотрел на синее, безоблачное небо. Ослепительное солнце растворилось в прохладном утреннем воздухе и добавило ему легкий оттенок желтизны. День обещал быть жарким...»

ISBN 978-5-04-015570-5

© Галихин С., 2001
© Галихин Сергей , 2001

Содержание

Часть первая. «Розовое на голубом»	6
Глава 1. Нас утро встречает прохладой...	6
Глава 2. Тук-тук-тук... Я твой глюк...	12
Глава 3. Доброе слово и кошке приятно	20
Глава 4. Жизнь прекрасна!	27
Глава 5. Сытый голодного не разумеет	42
Глава 6. Свой среди чужих	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей Галихин

Эра Водолея, или Каждый имеет право знать

*Не говорите, что мне делать,
И я не скажу, куда вам идти.*

Часть первая. «Розовое на голубом»

Глава 1. Нас утро встречает прохладой...

«...я-адь!» – послышалось из глубины темного подъезда.

Деревянный ящик, в котором Рома хранил картошку, захрустел досками и сдвинулся к лестнице еще сантиметров на десять. Прихрамывая на правую ногу, Константин Зубков вышел на улицу, остановился у открытой двери подъезда, поднял вверх голову и, прищурив глаза, посмотрел на синее, безоблачное небо. Ослепительное солнце растворилось в прохладном утреннем воздухе и добавило ему легкий оттенок желтизны. День обещал быть жарким.

– Ну что, Костян, не переломал ноги? – улыбаясь, крикнул Славик.

Костя вернул взгляд с небес на землю, посмотрел на Славика и, повернувшись, толкнул правой рукой дверь подъезда. Металлические петли лязгнули, дверь громыхнула о магнитный замок и закрылась. Все еще прихрамывая, он спустился с трех ступенек лестницы и направился к Славiku, стоящему возле поднятого капота желтой «Волги» и проверяющему свечи.

Славiku было тридцать восемь лет, Косте тридцать. Славик раньше работал в таксопарке, а теперь взял машину в аренду. Еще со школы Костя не любил его. Вроде бы парень как парень, на восемь лет старше, но что-то было в его словах, во взгляде... неприятное, липкое. Он очень любил использовать людей и очень не любил делать что-то хорошее просто так. Даже не хорошее, а обычное, нормальное для нормального человека. Костя слышал, как мать Славика говорила про него своим товаркам, что он вечно чем-то недоволен, что у него кругом сплошная несправедливость. При этом Славик не стремился что-то предпринимать, чтобы изменить жизнь. Он не любил богатых, потому что был бедным, не любил образованных, потому что сам был недалеким человеком. Он знал, как сделать так, чтобы все было по справедливости, но только кто же ему позволит это сделать.

– Тебе что, лень дверь прикрыть? – спокойно спросил Костя.

– А я сейчас домой пойду.

– Пойдешь – откроешь. Код, что ли, забыл?

– А чего ее туда-сюда гонять? – улыбнулся Славик. – Петли отвалятся.

– Ты же громче всех на собрании кричал, что надо кодовый замок ставить, чтобы порядок в подъезде был. Сам же первый и перестал дверь закрывать.

– Сильно ногу зашиб? – продолжал улыбаться Славик.

– Сильно, – ответил Костя. – Неделю назад деду сказал, чтобы сменил ящик! Обещал другой сделать.

– Вот он и сделал, – хихикнул Славик. – Ты разве не заметил, что он больше стал? Я деда тоже предупреждал. Еще раз споткнусь о ящик, сам лично на помойку отнесу.

– Это ты перегибаешь, – сказал Костя. – Где деду картошку хранить? Балкона у него нет, этаж первый. Ладно. В выходные я ему сам ящик сделаю.

– Ну, делай, – усмехнулся Славик. – Не слышал, вчера по телевизору рассказывали... в «Очевидном – невероятном»... астролог известный выступал... черт, забыл фамилию... в общем, скоро Земля войдет в созвездие Водолея и наступит Эра Водолея. Как он сказал, эра всеобщего процветания и благоденствия.

– Да, Славик, – со вздохом ответил Костя, – коммунизма ты не дождался, но вот до Эры Водолея дожить можешь. Он не сказал, когда точно эта эра наступит?

– Нет. Сказал, что, в общем-то, мы уже начали в нее входить, а когда окончательно войдем, тогда все и случится. А чем тебе коммунизм не нравится? Разве плохо, когда каждому по потребности, от каждого по способности?

– Конечно, хорошо, – согласился Костя. – Только потребности и способности у всех разные.

– Ну, не знаю... Я бы пожил при такой житухе. Конечно, и поработать тоже нужно, но зато имеешь все, что хочется. А то вкальываешь весь день, как проклятый, света белого не видишь, а какой-нибудь Семенов из сорок второй квартиры весь день кофе на работе попивает. В результате у меня «Волга», а он на «БМВ» ездит, дачу в прошлом месяце купил. Я в отпуск под Псков, а он в Турцию. Зимой в Альпы ездил на лыжах кататься. Здесь ему снега мало, что ли?

– Ты тоже сравнил, – ответил Костя. – Семенов в банке системным программистом работает. Причем самым главным. На нем вся сеть держится. Если умеешь компьютерные программы писать, так найди себе работу как у Семенова. В отпуск тоже к пальмам поедешь.

– Да я понимаю, что он башковитый, – почесывая в затылке, согласился Славик. – Но я тоже на печи не лежу. А разница в доходах вон какая.

Зубкову порядком надоел этот разговор, и он посмотрел на часы. Стрелки показывали половину девятого.

– Ладно. Пошел я. На работу опоздаю.

– Давай, – прощаясь, поднял руку вверх Славик и захлопнул капот машины. В утренней тишине стук капота был чистым и звонким.

Константин Зубков работал в газете журналистом. Работал уже шесть лет. Нельзя сказать, чтобы работа ему очень нравилась, но неприязни к ней он тоже не испытывал. Изю дня в день он ходил на работу и зарабатывал на хлеб насущный. Специальность Зубков выбрал, можно сказать, случайно. Друг детства всю жизнь мечтал стать журналистом, и когда они получили в школе аттестаты, Константин вместе с ним подал документы в приемную комиссию. В школе он учился хорошо и поэтому вступительные экзамены сдал легко. А дальше, как говорится, пошло-поехало. Зубков не заметил, как сдал последний экзамен, получил диплом журналиста и место в частной газете городского значения.

На автобусной остановке народу было как всегда много. Странное дело. Количество машин в городе за последние семь лет увеличилось в десять раз, но клиентов у общественного транспорта меньше не стало. В чем тут была причина, Костя ответить не мог.

Автобус подошел через десять минут. Привычно взяв его штурмом, москвичи по обыкновению сначала потолкались в дверях и на подножках, а затем равномерно распределились по всему салону. Зубков любил ездить экспрессом. Остановок поменьше, да и толкотни.

– ...ой, и не говори, – донесся до Зубкова справа высокий и не очень приятный женский голос. – Со следующего месяца опять квартплату поднимут. И проезд, говорят, подорожает.

– Совсем, сволочи, обнаглели, – отозвался голос тоном пониже, но тоже малоприятный. – На что жить людям? Пенсии, правда, грозятся поднять... да что толку-то с этого. Кто копейки-то получал, им все равно жить не на что будет. Цены-то вон как растут. Нет чтобы подравнять людей немножко... а они всем одинаково... Тем, у кого побольше пенсия, тоже увеличивать надо, но все же тем, у кого совсем маленькая, прибавили бы побольше. Хоть чуть-чуть подравняли бы людей. А с нового года еще и телефон обещают сделать с повременной оплатой.

– Совсем мэр с ума сошел, – снова заговорила первая тетка. – Дорогами хвалится, окружная, центральные проспекты, так что с них толку-то?.. Он бы по дворам прошел посмотрел. У нас во дворе как после бомбежки... И так уже десять лет. Ямы только глубже становятся.

Костя стоял, держась за поручень, посреди переполненного автобуса и бесцеремонно разглядывал симпатичную девушку. Ее изящная головка со светлыми волосами, едва не касавшимися плеч, была чуть наклонена в сторону. Девушке было лет двадцать, может, чуть больше. Она была юна, стройна и прекрасна.

– Вот так вот, – послышался еще один женский голос, только теперь уже слева. – При социализме нас равняли, теперь при капитализме тоже равнять собираются.

– Не говорите. Я с вами полностью согласна. Как можно равнять пенсии... Один ничего не делал всю жизнь, а другой горбатился. А по старости всем одинаково! Конечно же, на те деньги, что платят, жить невозможно, но только что же получается... кто-то полы мыл, тряпку гонял, а другой поезда водил. Одна ни о чем не думала, а на втором ответственность какая лежала.

Костя осторожно покосился влево. Возле дверей стояли две пожилые женщины. Судя по всему, женщины были образованными, на вид им было около шестидесяти лет, но выглядели для своего возраста они очень прилично. Только та, что отвечала, была немного полнее первой.

– Вот именно, – подтвердила первая. – Мы с мужем все время хорошо зарабатывали, и я не стыжусь этого. Так мы и налог какой государству платили с шести сотен. А кто, спрашивается, моей соседке мешал учиться? Я тоже не на всем готовом выросла. У нас в деревне была только восьмилетка. В десятый класс за восемь километров ходила. Восемь туда – восемь обратно. И так каждый день. А домой придешь – матери помочь надо.

– Кто хотел учиться, тот учился...

Прелестная девушка подняла головку на тонкой шейке, пытаясь что-то разглядеть за окнами. Костя почувствовал легкое головокружение. Автобус остановился, двери открылись, и прелестная девушка в голубом ситцевом платье с зелеными цветами вышла из автобуса. Когда Зубков пришел в себя, он тут же двинулся к выходу, но двери закрылись, и автобус плавно тронулся с места. Костя обернулся, провожая взглядом незнакомку, стоявшую теперь на остановке автобуса, выругал себя за медлительность и согласился, что такой шанс судьба дает если не раз в жизни, то не больше двух уж точно.

– Остается только ждать Эры Водолея, может, тогда что изменится, – сказала самая первая тетка, та, что возмущалась неравенством.

Эта незамысловатая фраза вернула Зубкова с небес на землю. Он повернулся в сторону людей, жаждущих справедливости. «Мда. С такими мыслями на Эру Водолея только и надеяться... – подумал Костя. – Какого черта они сегодня все как будто стоворились? Эра Водолея, Эра Водолея... Какой идиот это придумал? Хотя... в общем-то, люди всегда чего-то ждут. Плохой погоды, конца света, лотерейного выигрыша, победы коммунизма... Люди имеют право на надежду. Только если и на работе кто-нибудь мне скажет про эту эру, я ему нос откушу».

С такими мыслями Зубков вышел из автобуса и через пятнадцать минут вошел в здание редакции газеты. На втором этаже возле общей пепельницы стояли четыре сослуживца и о чем-то спорили. Точнее, спорили Егоров и стажер Олег. Егорова Костя считал типичным подлецом. Олег был молод и горяч. Только поэтому он пытался что-то доказать Егорову. Разговаривали они спокойно, но в каждой фразе было по нокауту. Третий из стоявших – Андреич – за свои пятнадцать лет редакторства изучил Егорова достаточно хорошо и поэтому с удовольствием наблюдал, как Олег объясняет взрослому дяде, что такое хорошо и что такое плохо. «Ах, молодость, молодость... – думал он. – Ничего. Это пройдет. С годами». Четвертым был руководитель отдела информации Пал Палыч Пасечник, который, в общем-то, мало обращал внимания на беседу, а просто стоял и курил. Костя не слышал начала разговора, поэтому не сразу уловил его смысл.

– В конце концов я гражданин, – сдержанно сказал Олег.

– Я тоже гражданин, – также спокойно ответил Егоров, затягиваясь сигаретой. – И я имею право знать правду, что там у них случилось на этой стартовой площадке.

– Вы знаете, гражданство кроме прав дает еще и обязанности. Вы считаете, что государство не имеет права на секреты?

– Ну конечно... – воздел руки к потолку Егоров. – Проще всего засекретить все на свете.

– Ну вы-то уж точно знаете, что должно быть секретом, а что нет. Вам не приходило в голову, что своей необдуманной болтовней вы можете нанести вред стране, в которой живете? Как-то сам собой вопрос напрашивается: все ли вы делаете без умысла?.. Налицо все симптомы синдрома переходного возраста.

«Я зол на своего отца». Вам столько лет говорили, что можно писать, а что нельзя... а теперь что хочешь, то и пиши. Вот вы и пинаете больную собаку, потому что уверены, что она вас не сможет укусить. Мне тоже не нравилось, что здесь было при коммунистах. И не нравится, что с моей страной сделали «демократы». Но все равно это моя страна. И если понадобится, я возьму в руки автомат, чтобы защищать ее.

– Хм-хм-хм, – хмыкнул Егоров. – Оратор. В твоих глазах так и светится пионерский задор. Ну а я никому не давал присягу, поэтому делаю то, что считаю нужным в данной ситуации.

– Кто бы сомневался. В «Венской конвенции» есть категория людей, на которых она не распространяется. Слышали про таких? У них нет ни родины, ни флага.

– Я не наемник, а свободный художник. Хотя не вижу ничего плохого в наемниках. Есть работа, за которую платят деньги. Они ее выполняют. Ты что, за идею работаешь или тоже за деньги?

Олег как будто этого не слышал.

– Конечно, свободный. От чего? От предрассудков вроде совести и морали.

– Ты еще пацан, чтобы учить меня, – с легким презрением сказал Егоров. – Вот попишешь с мое, пороешься в помойке по самые уши, тогда будешь мне советы давать.

– Вот и я о том же, – согласился Олег. – Каждый, кто отсидел на стуле в редакции десять лет, считает себя уже акулой пера.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что слишком часто журналисты вроде вас берут на себя роль политологов, философов, искусствоведов и вообще специалистов в любой области человеческой деятельности. Вас послушать – так никто кроме вас не знает, как лучше наладить экономику и что при плоскостопии раньше вырезать – аппендицит или гланды.

– Ты еще соплик, чтобы мне советы давать... Я журналист, а ты еще...

– А я репортер, – перебил Олег. – И всегда им останусь.

– И в чем разница между журналистом и репортером? – спросил Костя.

– Репортер сообщает факты, – повернув голову, ответил Олег, – а журналист учит всех жизни. Вы со мной не согласны?

– Отчасти, – сказал Зубков. – В одном вы правы, Олег. Со словом нужно обращаться аккуратно. Перо – страшное оружие.

– Особенно когда длина лезвия сантиметров двадцать, – уточнил Андреич.

Все сдержанно засмеялись. Даже Олег улыбнулся. Он чувствовал, что разговор зашел слишком далеко, и был рад его прекратить.

– Возьми у Петрова материалы, – сказал Зубкову Пасечник. – Через два дня мне нужна статья.

– Пал Палыч...

– Ну что Пал Палыч? Мне нужна статья. У нас новый президент, а про него до сих пор никто толком ничего не знает. Про своего банкира напишешь на следующей неделе.

Делать нечего. Придется отложить статью про финансового гения и заняться президентом. Зубков прошел в отдел в расстроенных чувствах. Не успел он сесть за стол, как зазвонил телефон.

- Алло.
- Костя?
- Привет, Андрюха, – признал Костя институтского приятеля. – Как дела?
- Нормально. Если не считать того, что я три недели безра-ботный.
- Да ты что? Тебя уволили, что ли? За что?
- Да нет, журнал закрылся.
- Надо же... Кто бы подумал... У вас такие тиражи были...
- Тиражи-то были, только кому они нужны.
- Не понял. Вы что, их не распродавали?
- То-то и оно.
- Так зачем столько печатали?
- Реклама. Имидж создавали. Хозяин у нас, сам знаешь, француз, а у них свои методы.
- А теперь что же?
- Деньги кончились. Француз сказал, что в нашей стране нормальный бизнес существовать не может. Сказал и уехал в Лион. За две недели работы не заплатил. Гаденыш.
- Ну да... все они так говорят... А на самом-то деле... дело не в бобине... хотя тебе это теперь все равно. У нас с вакансиями тоже не просто. Я спрошу у знакомых.
- Собственно, я тебе потому и звоню. Если что-то появится – свистни.
- О чем речь. Хотя... я слышал, сейчас не просто работу найти.
- Это я знаю.
- Чем думаешь заняться?
- Не знаю. Была идея любовные романы пописать.
- За них копейки платят.
- Я тут полистал пяток книг. Таких я за месяц пару состряпаю, не напрягаясь. Простенько и без затей. А на хлеб с маслом хватит.
- Да это конечно... у нас тут тоже две недели слухи ходили, что закрывать будут.
- А у вас чего?
- Нелояльность к мэрии.
- Ну это вы зря. С мэром ссориться не стоит, иначе пожарники с санэпидстанцией замучают. Ладно, Костя. Не буду тебя отвлекать. Если что появится на горизонте – шепни.
- Обязательно, Андрюша. Я думаю, что-то найдется. Удачи.
- Пока.

Зубков положил трубку и задумался. «Надо же, Андрюха почти месяц без работы. Классный журналист, написал два великолепных романа. Но кого сейчас это интересует? Полтора года он пытается их издать – и все впустую. Действительно, кроме простеньких любовных романов и детективов, издателей сейчас ничего не привлекает. Впрочем, дело больше не в издателях, а в читателях».

После разговора Зубков с головой зарылся в бумаги, но статья не клеилась. Часы показывали шестнадцать ноль-ноль. Сидеть дальше было бессмысленно. Собравшись, Зубков ушел с работы немного раньше обычного. По дороге домой зашел в магазин и купил бутылку шампанского.

Во дворе дома играли ребяташки, молодые мамы выкатили свои коляски и, как обычно, обменивались новостями. Зубков поднялся на третий этаж старого пятиэтажного дома и зашел в свою двухкомнатную квартиру. Сбросив ботинки, он прошел в большую комнату, открыл настежь балконную дверь, включил телевизор и выкатил кресло на середину комнаты.

Зубков достал фужер, опустился в кресло и выстрелил пробкой в потолок. Из горлышка бутылки потянулся вкусный дымок. Наполнив фужер до краев, Костя откинулся на спинку кресла и, сделав два глотка, прикрыл глаза, не обращая внимания на мерное бормотание телевизора. Сегодня было двенадцатое июня. Четыре года назад этот день был самым светлым в его жизни. Слабеющий вечерний ветер дышал в комнату, надувая штору, словно парус. Костя сделал еще несколько глотков и снова наполнил фужер.

Четыре года назад, шестнадцатого июня, они расписались с Мариной, самой прекрасной женщиной в мире. А два года назад расстались. До чего же странно порой складываются отношения между людьми. Еще в институте, когда они с Мариной просто дружили, никто не верил в то, что дело кончится свадьбой. Слишком уж разными они были. Все говорили, что под одной крышей они не проживут и недели. А они поженились и два года прожили душа в душу. И кончилось все тоже как-то неожиданно, в течение двух дней, и повод для скандала был пустяковым... Два раза Костя делал попытку помириться, и во второй раз ему даже показалось, что все наладится, но непостижимая женская логика и почти фанатичное упрямство помешали двум половинкам снова стать одним целым.

Зубков приоткрыл глаза и наклонил бутылку, доливая себе шампанского. Бутылка была пуста. «Черт, вот так у меня всегда, – подумал Костя. – Вся жизнь... Думаешь, еще что-то осталось, а там уже пустота. Хорошо еще, что детей не было. А может, наоборот? Были бы дети, ничего бы и не произошло? Ну нет, это не аргумент. Сколько таких примеров перед глазами. Был бы ребенок, остался бы с матерью. А мне, как бывает в таких случаях, достались бы одни воскресенья. Все-таки она хоть и умная баба, но дурочка. А вот такой красивой я уже больше не найду. И такой настоящей...»

Солнце клонилось к горизонту. Телевизор тихо брюзжал последними новостями. Тяжелый сон – на закате сон всегда тяжелый – коснулся Зубкова своим мягким крылом и налил свинцом его веки. «Сходить, что ли, еще за одной? – подумал Костя. – Что-то лень... Нет... Сейчас вздремну часок и схожу еще за парочкой. Пожалуй, надо сегодня напиться... А все-таки обидно. Такой, как Маринка, у меня уже не будет никогда... Вот интересно, когда наступит эта Эра Водолея... или их гребаный коммунизм... каждому по потребности – это будет касаться и душ людей тоже? У всех все будет в порядке? Или так же, как и раньше, будем гадить друг другу и страдать оттого, что кто-то нагадил нам? Будут ли тогда люди вообще что-то чувствовать? Ведь человек без чувств и переживаний становится машиной...»

Ветер еще раз глубоко вздохнул и колыхнул штору. Пустая бутылка из-под шампанского выскользнула из рук Зубкова и гулко стукнула по паркету. Костя заснул глубоким сном.

Глава 2. Тук-тук-тук... Я твой глюк...

Что-то мокрое и шершавое дотронулось до лица Зубкова. Костя сначала подумал, что это ему снится. В голове у него отчаянно гудело, как будто вчера он выпил озеро водки. Он поморщился от очередного прикосновения все того же шершавого и мокрого и повел головой в сторону. Затылок лежал на чем-то твердом, а в правый бок упиралось что-то похожее на острый камень. У Кости защекотало под носом, и все то же шершавое снова прикоснулось к его подбородку. Зубков глубоко вздохнул, отмахнулся левой рукой и чуть приоткрыл глаза. Яркое солнце ослепило его. Костя проморгался, потер лицо левой ладонью и, прищурившись, наконец смог что-то разглядеть. На него наглыми глазами в упор смотрела крупная рыжая кошачья морда. В первые секунды Зубков оцепенел от увиденного и просто лежал и смотрел на кота. Кот тоже замер, приподняв лапу. Где-то сверху ворона захлопала крыльями и, сев на ветку березы, каркнула. Кот дважды понюхал Костю, отвел морду и, тихо мяукнув, сделал шаг назад. На несколько секунд Зубков перестал дышать, а когда пришел в себя, резко поднялся.

В голубом небе не было ни облачка. Солнце грело своими лучами свалку металлолома, которая была позади помойки, за невысокой кирпичной стеной, выкрашенной в грязно-серый цвет. Кое-что теперь стало понятным. Правый бок Зубкова болел оттого, что он спал на старых водопроводных трубах, а то твердое, что было под головой, оказалось обычным куском бетона.

От резкого движения человека кот втянул голову, пригнулся к земле и пустился наутек. Зубков не то удивленно, не то испуганно оглянулся вокруг и медленно приподнялся на ноги. Кругом никого не было. Костя неспешно отряхнул с брюк пыль и ржавчину. Голуби мирно завтракали, отыскав что-то в мусорном контейнере, зеленые листья шелестели от слабого ветерка, слева шумела оживленная дорога.

– Ни фиги себе, сходил за хлебушком, – тихо прохрипел Костя, прокашлялся и еще раз придиричиво осмотрел себя со всех сторон. – Как же я сюда попал?

Одежда была относительно чистой. Что бы ни случилось вчера вечером, какой бы ни была причина ночевки на свалке, нужно было возвращаться домой. Зубков проверил карманы рубашки и брюк. Ни денег, ни документов у него с собой не было. Решив, что уж как-нибудь доберется до дома, Костя вышел из-за невысокого кирпичного заборчика и увидел, что слева от него проходит оживленное шоссе. Справа тянулась тихая улочка. «А все-таки интересно, как я сюда попал?» – подумал Костя и повернул в сторону шоссе.

Через несколько шагов перед Зубковым вырос памятник героям Великой Отечественной войны, и он сразу же определил свое местонахождение. Развилка Большой Дорогомиловской улицы и Кутузовского проспекта. На прошлой неделе он встречался возле этого памятника с бывшим альпинистом, у которого однажды брал интервью, а в этот раз тот привез Косте фотографии. Знакомых в этом районе у Зубкова не было, и поэтому вопрос, каким образом и зачем он здесь оказался, все еще оставался открытым.

Выходя к шоссе, Костя обратил внимание на вывеску, висевшую на углу дома, на которой было написано: «1407, Большая Дорогомиловская улица, дом 7». Она была новая, хотя еще и полугодом не прошло, как во всем городе их меняли. Навстречу Зубкову шла бабуля, держа за руку светловолосого внука. По дороге проехали два красных автобуса причудливой формы, которой Зубков раньше не видел. Следом за красными автобусами проехал зеленый. Все автобусы и троллейбусы были красного, желтого или зеленого цветов.

Выйдя к дороге, Костя оглянулся в поисках подземного перехода. Переход был левее, метрах в пятидесяти. По нему Зубков перешел на Кутузовский проспект и направился к автобусной остановке. Практически сразу к остановке подошел автобус красного цвета. Костя

вошел в среднюю дверь и остановился на площадке возле ступеней. Водитель объявил следующую остановку, двери закрылись, и автобус плавно тронулся с места. Зубков прислушался и не поверил своим ушам. Двигатель автобуса был электрическим. Конечно, он мог ехать в троллейбусе, но Костя точно помнил, что сел в автобус.

– Молодой человек, вы не оплатили проезд.

Костя обернулся и увидел мило улыбающуюся женщину лет сорока.

– Так получилось, что мне нечем заплатить, – вздохнув, ответил Зубков с выражением сожаления на лице.

– Если нечем заплатить, тогда почему вы сели в автобус? – спросил мужчина тех же лет, сидевший на соседнем сиденье и также сладко улыбавшийся.

– Потому что мне необходимо ехать, – ответил Костя.

– За проезд нужно платить, – продолжила женщина. – Если вам нечем платить, ходите на работу. А пока вам лучше выйти.

– Такой молодой, крепкий мужчина – и чтобы не мог заработать? – Костя обернулся и увидел старушку, укоризненно глядевшую на него. – Ни за что не поверю в это. А не оплатить свой проезд... как вам не совестно.

Автобус остановился, двери открылись. Не говоря ни слова, Зубков вышел из автобуса и быстрым шагом пошел в сторону Садового кольца. Автобус, тихо урча, обогнал его, набирая скорость.

– Едрёна Матрёна... – сам себе сказал Зубков. – Первый раз в жизни хотел проехать зайцем, и меня чуть не приговорили к расстрелу. Да я из принципа теперь платить не буду! Тем более что заплатить штраф гораздо дешевле.

В какой-то момент в голову Зубкову пришла мысль доехать на такси. У дома можно будет предложить таксисту подняться с ним в квартиру и заплатить в два раза больше. Но за полчаса возле Кости не остановилось ни одной машины. Махнув рукой на эту идею, он продолжил движение в сторону Садового кольца. По дороге Зубков обратил внимание на автоматы непонятного назначения, которых раньше он не встречал и даже не слышал про них. Между тем они стояли через каждые сто метров и были похожи на обычные телефонные будки. Костя подошел к следующему стоявшему на его пути автомату и с любопытством осмотрел его. В ту же секунду у автомата вспыхнул монитор.

– Здравствуйте, – приятным женским голосом поздоровался автомат.

– Привет, – ответил Зубков.

– Пожалуйста, активизируйте свою магнитную карточку и выберите режим работы, – продолжил ворковать автомат.

На мониторе появился список возможных режимов работы: «Справочная», «Сбережения», «Розыск», «Новости», «План города», «Экстренные сообщения». Зубков внимательно оглядел автомат со всех сторон. Кроме монитора у него были клавиатура, шарик управления курсором и, судя по всему, приемник магнитной карточки, которую автомат просил активизировать. Костя положил пальцы на шарик, стрелка курсора пересекла монитор по диагонали и остановилась на графе «Справочная». После этого Костя нажал клавишу «Ввод».

– Пожалуйста, активизируйте свою магнитную карточку, – повторил автомат.

Зубков услышал легкое жужжание электропривода и, не двигая головой, скосив глаза, посмотрел в правый верхний угол автомата. Он не ошибся. В углу просматривался глазок видеокамеры. Карточки у Кости не было, поэтому он развел руками и пошел дальше. Переходя Москву-реку по Новоарбатскому мосту, он размышлял, что за странные автоматы появились на улицах города и как так получилось, что он, журналист, ничего об этом не знает.

На пересечении Нового Арбата и Садового кольца стоял еще один автомат загадочного происхождения и непонятного назначения. На углу дома висела такая же квадратная вывеска, что и на доме возле свалки, с непонятным номером вверху 1404. Зубков повернул

направо и пошел в сторону автобусной остановки. Справа от себя он увидел магазин «Продукты». Костя точно помнил, что еще на прошлой неделе здесь было что-то другое, но только не продуктовый магазин.

Возле автобусной остановки был еще один загадочный автомат с монитором и клавиатурой. Возле автомата стояли молодая женщина и девочка лет девяти. Женщина вращала шарик, выбирая режим работы автомата. Костя медленно подошел к остановке и остановился, беззаботно облокотившись о черную трубу ближней к автомату стойки. До автомата было не более метра, поэтому Костя, не привлекая внимания, мог следить за действиями женщины.

– Мама, ну где же папа? – проверещала девочка. – Он же обещал, что мы пойдем в кино.

– Юля, подожди, – жестко ответила мама. Очевидно, девочка не первый раз уже задавала этот вопрос. – Сейчас узнаем, где папа.

Мама нажала клавишу «Ввод».

– Пожалуйста, активизируйте магнитную карточку, – уже знакомым голосом сказал автомат.

Мама вспомнила, что еще этого не сделала, и, открыв сумочку, достала карточку красного цвета. Вставив ее в автомат, она повторила свои манипуляции с клавиатурой.

– Выберите режим работы.

Ловкость, с которой мама управлялась с клавиатурой и шариком, говорила о том, что она пользовалась им регулярно.

– Введите цифровой код, – проворковал автомат.

Мама набрала цифровой код, и через несколько секунд на мониторе высветился план города и несколько строчек текста.

– Водку пьет наш папа, – спокойно выдохнула мама. – В своей любимой рюмочной.

– А как же кино? – начала кукситься девочка.

– Сходим без него, – ответила мама. – Пошли, вот наш автобус. И даже зеленый. Быстро доедем.

К остановке подкатил зеленый автобус сорок первого маршрута. Одни пассажиры вышли из него, другие вошли. Зашли и мама с дочкой. Зубков остался стоять там, где стоял. Автобус закрыл двери и с легким жужжанием тронулся с места. Костя проводил его взглядом и медленно пошел в сторону Парка культуры и отдыха. В голове был кавардак. Главный вопрос, который не давал покоя: за каким лешим он поперся вчера на «Киевскую»? Что ему там было нужно? Вечер он помнил. Помнил, что шампанское пил. Помнил даже, что хотел сходить в магазин и купить что-нибудь для продолжения. Но вот как он вышел из дома, Зубков вспомнить не мог. Не мог! Как ни старался. И уж ночь на помойке совсем ни в какие рамки не лезла! Идиотизм какой-то. Бывало, конечно, пару раз напивался до бессознательного состояния, но чтобы на улице ночевать... и что вообще было вчера на «Киевской»?..

Впереди шли два молодых парня. Из разговора Зубков понял, что они студенты. Молодые люди решали очень важный вопрос: в каком пивном баре им лучше отметить день рождения приятеля.

– А че ты на «Каширку» ехать не хочешь? – спрашивал один студент.

– От их пива у меня изжога, – ответил второй. – И кофе там не варят, а растворимый я не пью.

– А куда тогда?

– Давай лучше в Парк культуры.

– Это в ту кафешку... там же красенькие не принимают. А у нас всего пять желтых карточек. Ну и у вас с Егором две зеленые...

– Ну и что. Думаешь, не осилим?

– На девятнадцать-то человек?

– Не бойсь. Мне отец за окончание третьего курса балабашек подкинул. Можем хоть неделю гудеть. Кстати, давай зайдём в магазин. Мне сандалии купить надо. В башмаках жарко.

– Пошли, – согласился первый студент.

Молодые люди зашли в обувной магазин. Зубков зашел за ними следом.

В обувном магазине было четыре отдела, два мужских и два женских. На одном из отделов мужской обуви висела небольшая табличка, на которой было написано, что к оплате принимаются карточки желтого и зеленого цвета. В другом отделе принимались карточки исключительно зеленые. Студенты зашли в «зеленый» отдел. Зубков автоматически зашел следом за студентами. Пока они выбирали обувь, Костя без всякой цели осмотрел ассортимент. Увиденное ему понравилось. Обувь была превосходного качества и фасонов. Самое поразительное заключалось в том, что большинство моделей было отечественного производства и по качеству они не уступали импортным образцам, стоявшим на соседней полке.

Закончив с «зеленым» отделом, Костя зашел в «желто-зеленый». Тут ассортимент был пожиже и совсем не было импорта. Но даже та обувь, что стояла на полках, была весьма приличного качества. Просто выглядела она попроще. В женских отделах ситуация была та же: в «желто-зеленом» зале продавали высший сорт, а в «зеленом» – обувь экстра-класса.

Выйдя на улицу, Зубков остановился у дверей магазина и задумался. Увиденное минуту назад его сильно озадачило. Особенно деление кредитных карточек по цвету. Конечно же, он знал, чем отличается серебряная VISA от золотой или платиновой, но никогда не слышал о красных и зеленых. В магазине, в кафе... Костя вдруг почувствовал, что цветовое деление карточек подразумевает некое подобие классового деления их владельцев. От этой догадки Зубкову сделалось нехорошо. Он подошел к лавочке, стоявшей напротив магазина под кленом, и сел в тени под его ветвями. Костя почувствовал, что сходит с ума. Обрывки догадок, как пчелиный рой, сновали в его голове: «Где я?» Ночь на помойке, загадочные автоматы, выдающие местонахождение человека, странные автобусы разных цветов, цветные карточки...

– Общество, у которого нет цветовой дифференциации штанов, – одними губами прошептал Зубков, тупо глядя перед собой и растирая правой ладонью левую часть груди, – обречено на вымирание.

По Садовому кольцу шли люди. Женские ножки сменялись мужскими брюками. Детишки, собаки... опираясь на палочку, проковыляла старенькая бабушка. В голове что-то шумело, в ушах появился слабый звон, в глазах – легкая серая рябь.

– ... молодой человек? Вам плохо? – донеслось до Зубкова.

Костя только сейчас почувствовал, что кто-то трясет его за плечо. Он поднял глаза и увидел седовласого старичка, который с тревогой смотрел на него. Несмотря на жаркую погоду, на старичке была серая тройка и фетровая шляпа, в руках он держал трость.

– Вам плохо, молодой человек? – еще раз повторил старичок.

– Да... – задумчиво сказал Зубков. – Как-то не очень хорошо.

– Вот, возьмите, – возбужденно сказал старичок. – Это нужно положить под язык. Я сейчас... Одну минуту... Я сейчас!..

Старичок заспешил к ларьку и тут же вернулся с пластиковой бутылкой холодной воды в руках. Зубков тупо смотрел перед собой и думал, что именно так с ума и сходят. Сначала все становится с ног на голову, потом забываешь назначение предметов, а дальше и собственное имя.

– Мне пло-хо, – медленно проговорил Костя, подняв брови и наморщив лоб. – Да, мне пло-хо... Мне прак-ти-чес-ки кран-ты...

– Вот вода. Попейте, – сказал старичок.

Костя поднял глаза и, рассеянно улыбнувшись, принял из рук старичка пластиковую бутылку с водой. Он сделал несколько глотков, и ему немного полегчало. В глазах перестало рябить, шум в ушах практически исчез. Из киоска вышла женщина лет сорока. Она подошла к лавочке и протянула старичку пластиковую карточку желтого цвета.

– Возьмите свою карточку, – сказала женщина.

– Спасибо, – все еще с тревогой на лице сказал старичок, повернувшись к продавщице, и коротко кивнул головой.

– Как он?

– Вроде бы немножко отошел, – ответил старичок и снова повернулся к Зубкову.

– Да, спасибо, – сказал Костя, осознавая, что привлек к себе много внимания. – Мне уже лучше...

– Ох, – вздохнула продавщица, – какой молодой, а сердце уже ни к черту.

Она развернулась и пошла к ларьку, что-то бурча под нос и покачивая головой.

– Нельзя так, молодой человек, – укоризненно сказал старичок, надевая шляпу и перекладывая трость в правую руку. – За здоровьем следить надо.

– Спасибо, – еще раз поблагодарил Костя заботливого старичка. – Завтра же схожу в больницу и проверюсь.

– Непременно сходите. Будьте здоровы, – улыбнулся старичок, дотронулся до полей своей шляпы и пошел дальше по дороге.

Зубков проводил дедушку взглядом и залпом выпил полбутылки воды. Вода была простая, холодная и вкусная. Через несколько минут Костя поднялся с лавочки и медленно побрел дальше, по направлению к Парку культуры. С рекламного щита, скалясь белозубой улыбкой, на него смотрел все тот же манекенщик в шикарном пиджаке. На следующем плакате обворожительная девушка, мило улыбаясь, держала в руке три пластиковые карточки красного, желтого и зеленого цвета. Надпись на плакате гласила:

Стремление к смене цвета карточки достойно уважения.

Зубков вдруг предположил и сразу же обрадовался своей догадке, что он вовсе не сошел с ума. Просто в какое-то время общество разделилось по цветам, а он этого не заметил. И то, что можно носителю карточки одного цвета, недоступно носителю другого. Но вот когда это произошло, он вспомнить не мог. Солнце зашло за крышу жилого дома, от которого теперь падала тень. Костя подошел к стене и прислонился к ней спиной.

Студенты, пьющие пиво, доступное только цвету их карточки, мамаша с дочкой, при помощи загадочного автомата и цифрового кода за две секунды узнавшие местонахождение отца. Ну не может такого быть, чтобы он просто забыл о времени тех перемен, что сейчас заметил на улицах города. Если только память отшибло... и карточки почему-то у него с собой не оказалось... А как же тогда одежда? Ведь вчера он уснул в кресле в тех же самых брюках и рубашке, в которых ходил на работу. И синяк на ноге от ящика... Зубков судорожно задрал правую штанину и увидел вместо синяка темно-коричневую ссадину. Она была на том же самом месте, что и вчера утром. Но Костя не испытал от этого ни облегчения, ни досады. Как будто он надолго отвлекся от приключенческого фильма и теперь, потеряв нить развития сюжета, просто досматривал финальную часть картины, не понимая смысла поступков героев.

– А я сош-ла с ума-а-а... – тихо сказал Костя и, прикрыв глаза, коснулся затылком холодной стены. – Какая досада.

Легкий теплый ветерок приятно дотронулся до щеки Зубкова и полетел дальше. Костя стоял с закрытыми глазами и ни о чем не думал. Ему вдруг стало все равно, сошел он с ума или только еще сходит. Говорят, психи тоже бывают счастливы, только по-своему. Живут,

как и остальные люди, дышат кислородом, ходят на двух ногах, гадят в белые унитазы. И плевать, если однажды решу, что я Гагарин. Зато это я первым в космос слетал.

Костя открыл глаза и увидел надпись на доме через дорогу – «Комбинат бесплатного питания». В животе у Зубкова что-то зашевелилось, булькнуло и издало загадочный звук. Костя сглотнул слюну и почувствовал, что проголодался. Он посмотрел на часы. Стрелки показывали без пятнадцати три.

«Подумаешь, бесплатное питание, – сам себе сказал Костя, оттолкнувшись от стены дома и делая первые шаги к подземному переходу. – Невелика птица. Если крыша съехала, и с бомжами не запахло за одним столом посидеть. Конечно, с одной стороны первому космонавту это как бы и не пристало... но с другой – еще не до конца все доказано, может, и не первый. А раз не до конца, то и нечего привередничать. Карточки нет, до дома добраться непросто, жрать нечего, а очень хочется. Может, я просто все забыл и меня где-то ждут, надеются и верят? Вот сейчас съем чего-нибудь, если дадут, и пойду в милицию».

Утвердившись в этой мысли, Костя перешел через дорогу по подземному переходу, потянул на себя дверь и вошел в комбинат бесплатного питания.

Сразу же за дверью оказался небольшой коридорчик с гардеробом самообслуживания с правой стороны и двумя белыми дверьми с левой. На дверях были буквы «М» и «Ж». За коридором начинался светлый зал столовой, обычной совковой столовой где-нибудь на ЗИЛе или в НИИ. Столов в зале было не более двух десятков. Они стояли тремя ровными рядами, при каждом из них было по четыре пластмассовых стула. Стены столовой были выкрашены в приятные светлые тона. Внимание Зубкова сразу же привлек один странный персонаж. На вид ему было не более сорока лет, но седые волосы и уставшие глаза говорили о том, что пятидесятилетний юбилей он уже отметил. Одет он был в обычный черный комбинезон рабочей одежды. Его ботинки своей массивностью смахивали на строительные. Мужчина подошел к столику, на котором стояли подносы и два пластиковых корытца с одноразовыми вилками и ложками, взял поднос, столовые приборы и встал в хвост очереди в кассу. Зубков сделал то же самое. Перед седовласым стояли еще четыре человека. Пышная бабуля за кассовым аппаратом лихо колотила по клавишам. Костя почувствовал слабую дрожь в коленях. Очередь двигалась быстро. Из-за стойки вкусно пахло щами и вареными сосисками.

– Вам чего? – добродушно спросила бабуля.

– Первое, второе и стакан молока, – сказал седовласый в комбинезоне.

– А не пронесет? После капусты... – с улыбкой спросила бабуля, шевельнув бровью.

– А у вас капуста?... – задумался на секунду седовласый и замотал головой. – Не, молока. Чай надоел.

На стойку поставили тарелку щей, порцию сосисок с тушеной капустой и стакан молока. Все было в одноразовой посуде. Седовласый равнодушно переставил еду себе на поднос.

– Карточка есть? – спросила бабуля.

– А как же, – ответил седовласый и передал бабуле желтую карточку.

«И здесь карточки! – заволновался Зубков, но быстро взял себя в руки. – Если она спросила, есть ли карточка, значит, ее наличие желательно, но совсем не обязательно. Тем более что нигде не написано, какого цвета карточки здесь принимаются к оплате. И все это называется комбинатом бесплатного питания. Бес-плат-но-го».

Додумать Костя не успел.

– Вам чего? – добродушно спросила бабуля.

– Первое, второе, чай, – ответил Зубков.

– Зря чай берешь, возьми лучше молока, – сказал седовласый.

Он стоял возле кассы и никак не мог убрать карточку в левый нагрудный карман комбинезона, из которого торчали бумаги разных цветов, сложенные в несколько раз.

– Тогда молока, – сказал Зубков.

– Ну-у... значит, дуэтом споете, – захихикала бабуля, молотя по клавишам. – Карточка есть?

– Нет, – ответил Костя и приготовился к нравоучениям.

Нравоучений не последовало. На стойку поставили тарелку щей из кислой капусты, сосиски с тушеной капустой и стакан молока. Костя все еще в ожидании продолжения разговора с кассиршей переставил обед на свой поднос.

– Вам чего? – спросила бабуля следующего посетителя.

Костя повернул голову направо. Там стояла пожилая женщина с очень грустными глазами.

– Пошли вон за тот стол, – сказал седовласый, мотнув головой в сторону. Он наконец справился с бумагой в кармане, убрал карточку и уже держал в руках поднос.

Костя молча пошел за ним следом. Седовласый провел Зубкова между рядами к столу, стоявшему в дальнем углу, поставил поднос на стол и сел на стул. Зубков переставил обед на стол, отложил поднос в сторону и сел напротив незнакомца. Не успел он взять в руку ложку из белой пластмассы, как к столу подошла бабуля и поставила тарелку с четырьмя кусками черного хлеба.

– Жора, – сказал седовласый и протянул через стол руку.

– Костя, – ответил Зубков и пожал протянутую руку.

– Ты зря карточку не показал, – сказал Жора, с шумом втягивая с ложки горячие щи. – Подумаешь, в компьютер бы занесли. Ну, узнали бы все, что ты в халывке ешь, и что с этого?

– А что с того, что я не дал карточку? – спросил Костя и осторожно попробовал бесплатные щи.

Щи оказались очень вкусными. Возможно, это показалось Зубкову оттого, что он очень проголодался, но тем не менее Костя успел проглотить три ложки, прежде чем Жора ему ответил.

– Хорошо, если бабке все по барабану. А то вызовет наряд. Пока проверять будут, вопросы задавать... к вечеру обязательно отпустят и даже до дома довезут, но смотреть на их улыбочивые рыла... знаешь, занятие не из приятных для нормального человека.

– А с чего ты взял, что я нормальный? – спросил Костя, доедая щи. – Я что, похож на нормального человека?

Жора открыл рот и уже поднес к нему ложку, да так и замер, глядя на Костю. Зубков вдруг испугался. И зачем надо было это говорить... Ну зачем, спрашивается, он задал этот вопрос? Его что, за язык тянули? Жора внимательно посмотрел на странного нового знакомого, затем отправил в рот ложку со щами и равнодушно продолжил трапезу.

– Журналист, что ли? – спросил Жора, помешивая ложкой в тарелке.

Костя проглотил комок в горле, два раза, словно лошадь, мотнул головой и, отодвинув пустую тарелку из-под первого, приступил к сосискам с тушеной капустой.

– А как ты догадался? – спросил он.

– Работа у меня такая, – сказал Жора, наклонив к себе тарелку и доедая щи. – Оперя. По особо важным.

Зубков медленно стал помешивать капусту и разглядывать сосиски.

– Ты че, парень?! Испугался? – улыбнулся Жора и пододвинул к себе второе блюдо.

– А чего нам, психам, бояться, – ответил Костя, вспомнив, что он уже решил дожить свои дни в приюте мудрецов. – Я вот даже какой год сегодня не знаю.

– Да-а, – вздохнул Жора и, отпихнув тарелку с капустой, сложил руки перед собой на столе. – Многие со счету сбились...

А ведь уже двадцать шестой год Эры Водолея. Подумать только, двадцать шестой...

Жора повернулся к окну и долго смотрел на проезжавшие по Садовому кольцу разноцветные автобусы. Зубкову на секунду показалось, что в этом взгляде присутствует какая-то трагедия. И ведь действительно, что, как не трагедия, может заставить опера по особому важным питаться, как он сам выразился, в халявке, да еще, судя по всему, регулярно?!

– Мда-а, – еще раз вздохнул Жора. – Двадцать шесть лет... как все начиналось... А теперь...

Жора махнул рукой и поднялся из-за стола. Зубков, не зная, что делать, на всякий случай тоже встал.

– Ладно, Костя, побрел я. Что-то аппетит пропал...

Жора протянул руку. Костя пожал ее.

– Будешь рядом, заходи в гости. 1406, Серпов переулок, дом 36, квартира 11. И в следующий раз бери с собой карточку. Проблем меньше будет.

Жора выбросил в мусорный ящик посуду, отнес поднос и, рассматривая пол под ногами и о чем-то размышляя, медленно направился к выходу. Зубков проводил его взглядом и сел за стол. Поковыряв капусту вилкой и съев одну сосиску, Костя выпил молоко и вытер рот салфеткой. Постепенно обеденный зал комбината бесплатного питания заполнялся посетителями. Зубков отнес посуду с остатками пищи в мусорный ящик и направился к выходу.

– Сержант Юшкин, – приветливо сказал Зубкову на выходе молоденький парнишка в милицейской форме, приставив руку к фуражке. – Вашу карточку, пожалуйста.

За спиной сержанта стояли двое рядовых, как показалось Зубкову, солдат срочной службы.

– Карточку? – с удивлением спросил Костя и похлопал себя по карманам. – Дома карточка. Забыл на рояле.

– Вам придется проехать с нами, – также приветливо сказал Юшкин.

– Можно и проехать, – сказал Зубков. – Можно и с вами.

Жестом руки сержант Юшкин показал Косте на микроавтобус, стоявший напротив дверей комбината, раскрашенный в синий и желтый цвета. Один из рядовых проворно открыл перед Зубковым дверь. Костя покорно зашел в автобус. Двое рядовых милиционеров сели рядом с ним, сержант Юшкин занял место с водителем. Двери закрылись, и микроавтобус плавно тронулся с места.

Глава 3. Доброе слово и кошке приятно

В отделении милиции, куда привезли Зубкова, было чисто и светло. Костя даже не сразу понял, куда попал. На стенах висели небольшие картины с миленькими пейзажами, дежурный восседал в кожаном кресле за роскошным офисным столом и очень вежливо отвечал на телефонные звонки. Каждый сотрудник отделения милиции имел отдельную комнату, четыре на пять метров, со стенами из непонятного прозрачного материала, с компьютером на столе и кондиционером под потолком. В некоторых комнатах сидели посетители.

Подошла очередь Зубкова. У него спросили фамилию, имя, отчество и зарегистрировали в журнале. После первичной регистрации его подвели к прозрачной стене с дверью посередине и надписью над ней «Зал ожидания».

– Проходите, – сказал сержант, открыв дверь зала. – Минут десять посидите, я оформлю задержание и передам дело следователю.

– Я что-нибудь нарушил? – удивленно спросил Зубков, перешагнув через порог.

– Административный раздел закона, – добродушно ответил сержант. – У вас есть адвокат?

– Нет.

– Вам предоставят общественного защитника.

Юшкин закрыл дверь и пошел оформлять задержание. Зубков окинул зал ожидания взглядом. В правом дальнем от входа углу стоял цветной телевизор с большим экраном и четверо «ожидавших» смотрели футбол. Левее стояли два стола с шахматными и шашечными досками, но за ними никого не было. Зато за соседним столом галдели человек десять. Из обрывков фраз Костя сделал вывод, что там играли в преферанс. За дверью в правой стене зашумела вода. Через несколько секунд дверь открылась, из нее вышел мужчина в роговых очках.

– Ни фи-га се-бе клет-ка, – выдохнул Зубков, сравнивая увиденное с тем местом, куда он попал два месяца назад, когда его забрали для выяснения личности с места аварии очистных сооружений одного загадочного завода. Тогда предъявленное Зубковым удостоверение журналиста не глядя объявили фальшивкой, а ему заломили руки за спину и, надавав подзатыльников, затолкали в «газик».

– С окраины? – добродушно спросил мужчина в роговых очках. – В рабочих кварталах любят называть вещи старыми именами.

– Смотря из какого центра смотреть, – ответил Костя, облизал сухие губы и сглотнул. – Все относительно...

– Хм-хм... Согласен с вами. Ну что же, будем знакомы. Николай Петрович Федотов.

– Зубков, – сказал Костя и добавил после паузы: – Константин.

Федотов нажал кнопку переговорного устройства.

– Василь Петрович, будь добр, принеси водички.

– Минералки или простой? – отозвался динамик.

– Тебе какой?

– Холодной.

– Просто холодной, Василь Петрович, – сказал Федотов и, отключив селектор, добавил: – Тезки мы. По отцу, правда, но тем не менее... Он хороший дядька. За что задержали?

– Питание без карточки.

– Забыл? Или в знак протеста? – спросил Федотов.

– Забыл.

– Ну, если первый раз, покапают на мозги и к вечеру отпустят, – махнул рукой Федотов и направился к столу, за которым играли в карты. – А если не первый, – добавил, обернувшись, – все равно вечером дома будешь.

Дверь открылась. В зал ожидания вошел седовласый капитан. Ему было около пятидесяти лет, но двигался он по-спортивному легко и выглядел достаточно свежим. В его лице было что-то... человеческое, то, что заставило Зубкова подумать: эх, капитан, жаль, не успеешь стать майором.

– Кому воды? – спросил капитан.

– Мне, – протянул руку Зубков. – Спасибо.

– Зубков? Давай-ка, сынок, пальчики прокатаем, – сказал капитан и поставил на маленький столик странную черную коробочку прямоугольной формы.

Костя открутил у пластиковой бутылки крышку, сделал четыре больших глотка, глубоко вздохнул и перевел дух. Вода была холодной и очень вкусной. Костя сделал еще два глотка, затем поставил бутылку на столик, достал из заднего кармана брюк носовой платок и протер им влажные от запотевшей бутылки руки. Пока он пил воду, капитан терпеливо ждал, сидя на стуле, откинув у черной коробочки крышку. Под ней оказалось стекло обычного сканера.

– Положи руки на экран, только сильно не дави. Немного разведи пальцы в стороны.

Костя выполнил все инструкции. Машинка тихо загудела, и голубая полоска света медленно проползла слева направо и обратно.

– Все, пока свободен.

Капитан закрыл крышку сканера и вышел из зала ожидания.

Зубков взял со стола бутылку воды, отхлебнул из нее, с минуту посмотрел на Федотова и, не торопясь, подошел к игрокам. За игровым столом сидели четверо. Остальные стояли рядом и наблюдали. На столе лежал лист бумаги, разлинованный под преферанс. Круглолицый крепыш со шкиперской бородкой и трубкой в зубах ловко тасовал колоду. Судя по тому, как непринужденно держались игроки, они были частыми гостями этого зала ожидания и ничего страшного для себя в происходящем не видели. Да и сами они вовсе не походили на забулдыг и дебоширов. Скорее наоборот. Шестеро из них были облачены в приличные костюмы, остальные одеты были просто, но со вкусом. Среди зрителей футбольного матча прощелыг тоже не наблюдалось. Два клетчатых пиджака висели на спинках стульев, а болельщики, ослабив узлы галстуков и расстегнув воротники, оживленно обсуждали между собой только что назначенный штрафной удар.

За карточным столом снова стасовали колоду.

– На прошлой неделе стою в банке, – рассказывал «шкипер», – открываю в карточке сына дебитную строчку...

– Твоему Сашке уже двенадцать? – перебил его второй игрок.

– А ты думал, – не то с гордостью, не то с грустью сказал «шкипер».

– Да, время бежит... – протянул второй.

– Так вот... Стою заполняю бланк заявления, а у соседнего окошка дедок разбирается со счетами за телефон. Что-то ему там напутали. То ли он в Африку звонил, то ли ему из Японии... Кассирша смотрит распечатку перемещения средств вклада и говорит деду: «У вас расходы все время небольшие были, а в прошлом месяце на счет Хацкевича вы три тысячи перевели. Прикупили что-нибудь?» – и улыбается. «Да, – говорит дед, – прикупил... Два туза на мизере».

Игроки дружно захихикали. Зубков знал этот анекдот. Правда, звучал он как-то иначе, но смысл от этого не изменился.

Магнитный замок на двери щелкнул, и она распахнулась. Играющие в карты и телезрители обернулись.

– Зубков, вас ждет следователь, – вежливо сказал стоявший в дверях сержант Юшкин. Все, кто был в зале ожидания, посмотрели Зубкову в спину, но через пару секунд вернулись к своим занятиям: картам и футболу. Сержант посторонился, пропустил задержанного и закрыл дверь. Юшкин провел Костю по коридорам в кабинет следователя и, откозыряв, ушел.

Следователем оказалась симпатичная женщина. На вид ей было около тридцати лет. Светлые, коротко стриженные волосы усиливали то очарование, которое вызывали ее серые глаза. Зубков посмотрел на следователя очень внимательно. Она явно смутилась от столь пристального взгляда задержанного и чуть-чуть покраснела.

– Здравствуйте, присаживайтесь, – сказала следователь, показывая рукой на стул напротив своего стола.

– Здравствуйте, – сказал Зубков и сел на предложенный стул.

– Я буду вести ваше дело. Моя фамилия Ветрова, зовут Елена Николаевна.

– Очень приятно. Константин Зубков, – также вежливо ответил Костя.

– А отчество?

– Для отчества я еще молод.

– Хорошо, – сказала Елена Николаевна и раскрыла синюю папку. – Скажите, Константин, вы проходили регистрацию?

– Какую именно регистрацию вы имеете в виду?

– М-м-м... видите ли, Константин... Как известно, все граждане России при рождении проходят регистрацию, одним из пунктов которой является дактилоскопия. Ваших отпечатков пальцев в компьютере не обнаружено. Скажу больше, в компьютере не обнаружено ни вашей фамилии, ни имени. Вы просто не существуете. Как вы можете это объяснить?

– М-м-м... Я мыслю, значит, существую.

– То есть никакой вразумительной информации вы нам дать не можете? – скорее утверждала, чем спрашивала Елена Николаевна.

– Мне бы кто объяснил, что это еще за регистрация.

– Обычная регистрация, – снисходительно улыбаясь, сказала Елена Николаевна. – При рождении ребенка ему выдается свидетельство о рождении, снимаются отпечатки пальцев, а через три месяца в левое плечо вживляется маяк розыска.

– Это еще зачем? – удивился Костя.

Сколько всего удивительного за сегодня увидел и услышал Константин, но маяк... это уже ни в какие ворота не лезет.

– Чтобы облегчить розыск потерянных детей, для получения информации о местонахождении родственников, для опознания сильно обгоревших или изуродованных тел при катастрофах...

То, что Елена Николаевна сказала последнюю фразу все с той же приветливой улыбкой, что и раньше, Зубкова просто убило. У него появилось ощущение, что у этой женщины отсутствуют все чувства. Хотя нет. В начале разговора она немного покраснела.

– Ну что же, – подвела черту в разговоре Елена Николаевна. – Поскольку вы не можете дать разъяснения, моя миссия на этом заканчивается. Вас отправят в другую службу.

– Минуточку, – сказал Константин. – Мне обещали общественного защитника. Я его настойчиво наблюдаю.

– Наша беседа была предварительной и ознакомительной, – ответила Елена Николаевна все с той же улыбкой. – Уголовный кодекс на этот случай не предусматривает присутствия адвоката, ведь это не допрос.

– А какой службе меня собираются передать?

– Медицинской.

Зубков приоткрыл рот, чтобы выразить протест, но от удивления так и замер. Следователь Ветрова заметила это и поспешила дать разъяснение.

– Возможно, вы пережили стрессовую ситуацию и получили психологическую травму. Постарайтесь припомнить: в последнее время у вас не было чувства, что вы не узнаете окружающий мир, не понимаете предназначения вещей, не помните, как оказались в каком-либо месте?

– М-м-м... возможно, вы и правы... – задумчиво ответил Зубков, услышав из чужих уст подтверждение своей версии о сума-сшествии.

– Вот видите. Очень тяжело поверить, что в стране живет человек, не имеющий маяка и вообще не имеющий о себе информации в центральном компьютере.

Елена Николаевна сняла трубку и набрала номер. Ей ответили почти сразу.

– Я закончила, – сказала Елена Николаевна.

Через минуту пришел Юшкин.

– Следуйте за мной, – сказал сержант.

Юшкин вывел Зубкова на улицу. Здесь их ждали те же двое рядовых, что сопровождали Юшкина раньше. Зубков и милиционеры сели в такой же микроавтобус, на котором его привезли из столовой, только теперь он был серого цвета. Как только двери захлопнулись, микроавтобус плавно тронулся с места и через минуту выехал на шоссе. Стражи порядка, как и прежде, вели себя предельно корректно.

Через тридцать минут он остановился у ворот психиатрической клиники номер четырнадцать и подал два длинных гудка. Ворота со скрипом отворились, микроавтобус въехал на территорию больницы. Через минуту машина остановилась перед шестым корпусом, и водитель заглушил двигатель. Первым вышел сержант, за ним Зубков. Увидев вывеску, он только теперь до конца осознал, что это за медицинская служба. Юшкин проводил нового пациента в приемный покой. Рядовые остались стоять на улице.

В приемном покое Зубкова ждали два санитар и доктор. Санитарами, как и в любом уважающем себя сумасшедшем доме, были два амбала ростом под два метра и весом за сто килограммов. Доктором оказалась женщина лет сорока пяти. У нее было сухое вытянутое лицо, глубоко посаженные глаза и черные, как смоль, волосы, слегка тронутые сединой. Она расписалась в сопроводительных документах, Юшкин козырнул, пожелал Косте скорейшего выздоровления и ушел. У нового пациента забрали все ценные вещи и убрали в сейф. Затем его переодели. Цивильную одежду поместили в персональный шкафчик и попросили Зубкова закрыть кодовый замок. В шлепанцах и пижаме и в сопровождении санитар Костя пошел в девятое отделение.

Отделение располагалось на четвертом, последнем этаже шестого корпуса четырнадцатой психиатрической больницы. Внешний вид корпусов больницы, приемного покоя, лестницы уже не удивлял Зубкова. Он много успел увидеть за этот день, поэтому больница, скорее похожая на хороший отель, воспринималась как само собой разумеющееся. Остановившись на верхней лестничной площадке возле двери, санитар нажал кнопку звонка. Вот этот факт никак не вписывался в очертания отеля. Но черт его знает, какие здесь, или теперь, бывают отели.

Через минуту в коридоре за дверью послышались быстрые легкие шаги. Дверь открыла молоденькая санитарка. Та самая девушка, что ехала в автобусе. Только теперь ее красивая головка с волшебного цвета волосами была забрана под белую шапочку и одета она была не в голубое ситцевое платье, а в коротенький белый халатик.

– Здравствуйте, – поздоровалась девушка с пациентом и перевела взгляд на санитар.

– Наташа, получай новенького, – сказал санитар и передал ей папку с бумагами.

– Мария Федоровна звонила, предупреждала, что сегодня должны привезти нового пациента, – сказала Наташа, чуть качнула головкой и, взяв бумаги Зубкова, перевела взгляд на него.

Костя продолжал стоять с чуть приоткрытым ртом и смотрел на ту самую девушку, которую однажды увидел в автобусе или ему приснилось, что он ее видел... Теперь эта девушка стояла перед ним во всем своем очаровании. От нескромного взгляда нового пациента Наташа немного смутилась, и через несколько секунд ее прелестные щеки тронулись розовой краской.

– Проходите, – сказала Наташа, улыбнувшись и чуть наклонив набок голову.

Костя очнулся и сделал шаг вперед. Дверь за его спиной захлопнулась.

– Пойдемте, я покажу вам палату, – сказала Наташа и, все еще сдерживая улыбку, пошла по коридору.

Костя пошел следом. У нее была совершенная по формам фигура, а коротенький белый халатик как минимум вдвое усиливал эротизм этого зрелища. И как Костя ни старался смотреть по сторонам, время от времени маленькая попка чаровницы все-таки попадала в поле его зрения.

– А вы правда ничего не помните? – вдруг спросила Наташа, пропуская вперед Зубкова.

– Что? А-а-а... да. Практически ничего, – растерянно ответил Костя.

– Удивительно, в медицинской практике похожие случаи встречаются, я читала об этом, частичная амнезия или полная... Но вот чтобы человек не был зарегистрирован... я впервые слышу.

– Может, сбой в компьютере, файл и потерялся?

– Исключено. Информация дублируется несколько раз. Плюс мировой банк данных... нет, это в принципе невозможно.

– Значит, амнезия. А это лечится?

– Ну конечно, – улыбнулась Наташа. – Сейчас почти все лечится, даже рак. Завтра с утра вас осмотрит профессор Яншин и проведет сеанс гипноза. В подсознании обязательно должна остаться информация. Узнаем причину заболевания – можно будет подобрать оптимальный метод лечения.

– Наташа, если вы лично будете принимать участие в лечении, то я точно скоро поправлюсь.

– Нет, я всего лишь медсестра, – улыбнулась Наташа, остановившись у входа в палату.

– Но хотя бы присутствовать вы будете?

– Тоже нет. Завтра у меня выходной. Вот ваша палата. Свободная кровать у правого окна.

Только теперь Зубков отвлекся от медсестры и заметил, что вход в палату не закрывается дверью. Ее просто нет. Во всех палатах отделения не было дверей. Зубков медленно прошел на середину просторной светлой комнаты и посмотрел на кровать, которая на неопределенное время должна была стать его. Стены палаты были обтянуты клетчатой тканью темно-синего оттенка. Вдоль стен стояли кровати, по четыре в ряд. Слева от каждой кровати была тумбочка. У противоположной от входа стены между двух окон стоял круглый стол. На нем лежали шахматная доска и коробка с домино.

Зубков прошел к своей кровати и присел на нее. Пружины под ним мягко прогнулись и тихо скрипнули.

– Жить можно, – сказал Костя и улыбнулся Наташе.

– Я рада, что вам понравилось, – улыбнулась в ответ Наташа. – Скоро будет ужин.

Сказав это, она ушла. Костя посидел на кровати минут пять, затем поднялся и подошел к окну. На улице, на скамейке под березами, рядом с женщиной сидел пациент в сером халате. Очевидно, жена пришла навестить мужа.

В коридоре послышался шум. Зубков обернулся. Через минуту в палату шумной гурьбой вошли постояльцы. На Костю они обратили внимания не больше, чем на соседа в трамвае. Некоторые из них легли на кровати, другие сели и открыли тумбочки. Зубков с некоторым волнением наблюдал за ними.

«Приглашаем всех на ужин», – сказал по радио приятный женский голос.

Больные поднялись и, продолжая обсуждать что-то свое, направились к выходу.

– Ты что, есть не идешь? – спросил молодой парнишка.

– Иду, – ответил Костя и улыбнулся.

В каждом отделении была своя столовая – просторная светлая комната со столами и телевизором под потолком. За стойкой-раздачей была небольшая кухня с двумя раковинами, электрической плитой и тремя шкафчиками на стене. На ужин в этот раз давали гречневую кашу с молоком, стакан какао и сдобную булочку. Зубков поставил ужин на поднос и, развернувшись, увидел за ближним столом двух пациентов, с аппетитом поедающих кашу.

– У вас не занято? – спросил Костя.

– Садись, – ответил толстячок в очках и, освобождая Зубкову место, передвинул ближе к себе стакан с какао.

– Новенький? – спросил второй. Он был постарше и тощий.

– Да. Час назад привезли.

– Чего такой грустный, первый раз, что ли? – спросил толстячок.

– Умгу... первый.

– Не переживай, – подмигнул второй. – И здесь жить можно.

Я вот, например, уже почти двадцать лет сюда ложусь каждый год. Тихо, спокойно. Контингент в основном смирный, кормежка хорошая. Опять-таки законный повод ничего не делать. Отдохнуть месячишко. Плюс к отпуску.

Тощий и толстый допили какао и, пожелав Зубкову приятного аппетита, встали из-за стола. Костя проводил их взглядом и вернулся к тарелке с гречневой кашей. Ел он медленно и без аппетита. Когда пришла очередь какао и булочки, столовая была уже пуста. Няня протирала столы влажной тряпкой и ставила на них перевернутые ножками вверх стулья. Зубкова никто не подгонял. Он спокойно допил какао и, поставив тарелки к мойке, сказал нянечке «спасибо».

Напротив столовой располагался небольшой зимний сад с диванами, креслами, журнальным столиком, заваленным прессой, столами для игры в шахматы и бильярд. Зубков не торопясь подошел к своей палате. Как только он появился в дверном проеме, его тут же усадили играть в домино. Костя любил домино и играл довольно сносно. Из разговоров он понял, что пациенты достаточно хорошо знают друг друга и относятся к пребыванию в клинике как к ежегодному медосмотру.

В домино играли шумно. Костяшки весело колотили по столу, и время от времени кто-нибудь выкрикивал волшебное слово «рыба». Веселье продолжалось до тех пор, пока не пришла медсестра Галя. Она сегодня дежурила по отделению, и пациенты отзывались о ней как о генерале в юбке.

– Господа больные, игра окончена, – с расстановкой провозгласила Галя. – Отбой.

Доиграв партию, пациенты оставили неубранное домино лежать на столе, разошлись каждый к своей койке и начали раздеваться. Когда Галя шла назад по коридору, все уже лежали в кроватях. Она окинула палату взглядом, пожелала всем спокойной ночи и выключила свет. Пациенты заерзали, почти хором глубоко вздохнули и, укутавшись в одеяла, сделали вид, что заснули. Галя постояла у входа в палату почти минуту и ушла. Через пять минут входная дверь в отделение щелкнула замком и скрипнула петлями.

– Хахали пришли, – сказал Вася.

– Я бы тоже к ней ходил, – вздохнул Витя.

Палата захихикала, скоро хихиканье переросло в дружный гогот. Зубков не знал причины всеобщего веселья, но психи смеялись так заразительно, что и он улыбнулся.

– Куда бы ты ходил? – сказал кто-то из дальнего угла. – Ты же вчера рассказывал, что у тебя уже пять лет как не стоит.

– Ну и что, – ответил Витя и добавил мечтательно: – Хоть подержался бы...

Палату захлестнула новая волна смеха.

– Права Мария Федоровна, шизик ты, – сказал Вася.

– А сам-то, а сам-то, – огрызнулся Витя, – четвертый месяц лежишь.

– Зато у меня не лежит, – заметил сквозь гомерический смех Вася. – Кто же тебе даст подержаться, если ты импотент? Ты же... не отработаешь...

– А откуда она об этом узнает? – оживился Витя, сел на кровати и продолжил мечтательно: – Это же потом только ясно станет...

– Нет, Витя, если сейчас не стоит, потом уже не встанет, – сказал все тот же голос из дальнего угла палаты.

Палата уже не смеялась, а откровенно ржала. Честно говоря, Зубков пару раз задавался вопросом, о чем разговаривают психи в дурдоме, но как-то не предполагал, что их интересуют все те же житейские вопросы, что и остальных людей.

– Ну-ка быстро все спать! – раздалась от двери команда.

Психи мгновенно притихли и засопели. От неожиданности Зубков сделал то же, что и все, но прежде чем закрыть глаза, он заметил вошедшего в палату громадного мужика, под два метра ростом. Зубков натянул одеяло до глаз и сквозь неплотно закрытые веки наблюдал происходящее. Здоровяк неторопливо обошел палату, проверяя сон пациентов, методично раздавая подзатыльники и щелбаны. Пациент у правого окна, очевидно, не понравился ему больше всех. Он подошел к кровати Зубкова, склонился над ней и прорычал:

– Ты чего, не понял? Спать!

Зубков медленно стянул с лица одеяло и, смотря прямо в глаза громиле, тихо, но выразительно прошептал:

– Хочешь, нос откушу?

Громила отдернул голову и задумался над услышанным. Молодой парнишка с соседней кровати дернул громилу за штанину. Тот резко обернулся.

– Этот может, – кивнув головой, доверительно сообщил парнишка.

– Это... тихо чтоб было, – сказал громила и, выйдя из палаты, добавил уже из коридора: – Смотрите у меня.

Глава 4. Жизнь прекрасна!

Проснувшись утром, Зубков открыл глаза и еще долго лежал на спине, глядя в белый потолок. Он искренне надеялся, что все, что он помнил как вчерашний день, было обычным сном. Но что-то внутри него говорило об обратном. Зубков боялся повернуть голову и увидеть слева от себя кровать, а на ней того самого молодого парнишку, соседа по палате. И потолок почему-то был высоким... Выше, чем у него в квартире.

– Па-адъё-ом, – зычно гаркнула пожилая медсестра.

Зубков зажмурил глаза, как бы пытаясь отогнать от себя дурное видение, и снова открыл их.

– Доброе утро, – сказал молодой парнишка.

Зубков повернул голову.

– Доброе, – ответил он хрипло и два раза кашлянул.

Парнишка откинул одеяло, сел на кровати и опустил ноги в шлепанцы.

Палата наполнилась шорохом одеял и наигранным кряхтением. Пациенты одевались молча. Перед завтраком все направились чистить зубы. Зубков надел пижаму и посмотрел на тумбочку возле своей кровати. На ней лежали маленький тюбик зубной пасты, новая, в упаковке, зубная щетка, мыло и белоснежное полотенце с фиолетовым штемпелем клиники в углу. Костя повесил полотенце на плечо, сгреб туалетные принадлежности и последовал за всеми в ванную комнату.

Перед завтраком все дружно приняли лекарства – разноцветные шарики, диски и цилиндрики. Зубков подошел последним. Толстая тетка, та, что всех разбудила утром, сказала Косте, что лечение ему еще не назначено. Поэтому пока нужно проглотить только витамины для аппетита. Костя на всякий случай спрятал таблетки под языком, выпил глоток воды и пошел на завтрак. По пути в столовую ему встретилась Наташа.

– Здравствуйтесь, Наташа, – с улыбкой сказал Костя.

– Здравствуйтесь, Константин, – улыбнулась в ответ Наташа. – Как спалось на новом месте?

– Замечательно. А почему вы сегодня на работе? У вас же должен быть выходной.

– Ленка заболела, Валентина к сестре уехала. Пришлось мне выходить.

– У вас, наверное, были планы на сегодняшний день? – спросил Костя. – Но, признаться, я рад, что вам пришлось выйти на работу.

Щечки медсестры тронулись розовым цветом, и она, чуть улыбнувшись, сказала:

– Идите в столовую, на завтрак опоздаете. А после завтрака ждите меня в палате. Я за вами зайду и провожу на осмотр. Пал Егорыч уже спрашивал про вас.

– А кто такой Пал Егорыч?

– Наш профессор. Мировое светило. Ну идите, а то завтрак остынет. А мне в процедурную нужно бежать, лекарства для уколов готовить.

Сказав это, Наташа пошла по коридору в процедурную. Костя проводил взглядом ее прелестную фигурку и пошел на завтрак.

Столовая была полна голосами и запахами. Взяв тарелку манной каши, чашку крепкого кофе и два бутерброда с сыром, Костя отошел от раздачи и окинул небольшой зал взглядом. За столиками, рассчитанными на четверых, уже сидели по два-три человека. Возле второго слева окна стоял единственный пустой столик. Зубков направился к нему.

– Моисей, иди к нам, – услышал Костя, присаживаясь на стул. – У нас место есть.

Костя поднял глаза и увидел у раздачи коренастого мужчину лет пятидесяти. Очевидно, обращались к нему. В руках у него была тарелка манной каши и стакан кефира.

– Семенов, отстань, – сказал Моисей, наморщив лоб и сдвинув брови. – Твои сексуальные истории за месяц так надоели, что от одного твоего вида подташнивает. Еще с утра их слушать... Вон молодежь развлекай, – кивнул он на двух соседей Семенова по столику.

Семенов с улыбкой что-то буркнул в ответ, но за всеобщим гомоном одобрения разобрать было ничего нельзя. Зубков понял, что Семенов своими рассказами успел достать практически всех. Моисей окинул столовую взглядом и направился к столику, за которым сидел Костя.

– Свободно?

– Да, – сказал Костя и передвинул тарелку с бутербродами.

Моисей поставил на стол завтрак и сел напротив Зубкова. Не поднимая на Костю глаз, он разорвал маленький пакетик и, высыпав в стакан с кефиром сахарный песок, размешал его маленькой ложкой. Костя пару раз украдкой взглянул на него. Опытный взгляд журналиста подметил в лице соседа по столику усталость. Как будто человек очень долго выполнял работу, требующую постоянного и сильного умственного напряжения. Моисей заметил, что его украдкой рассматривают, и спросил все с той же усталостью в голосе, о которой только что подумал Зубков.

– Новенький?

– Да... Вчера вечером привезли.

– С улицы, что ли?

– От дверей халявки.

– Ясно. Карточку нужно с собой носить – проблем меньше будет... Дядя Юра, – после паузы сказал вдруг мужчина и протянул руку.

– Костя, – сказал Зубков и пожал протянутую руку.

Дядя Юра сделал два глотка кефира и приступил к манной каше. Косте показалось, что он очень любит ее, но то ли место пребывания, то ли еще какая-то причина мешала дяде Юре полностью насладиться любимым блюдом. Зацепив кашу в очередной раз, дядя Юра вдруг замер с ложкой у рта.

– погоди, а чего же тебя сюда привезли? А-а-а... тебя, наверное, вообще первый раз забрали... – после этих слов ложка с кашей отправилась в рот.

– В первый, – ответил Костя.

– Значит, к вечеру все равно отпустят. Пострашают малость, галочку в журнале поставят – и свободен.

В ответ Зубков лишь пожал плечами. Ему нечего было сказать. Он мало что понимал в происходящем с ним, а дядя Юра после короткого разговора сосредоточился на манной каше и больше вопросов не задавал. Последний раз Зубков имел дело с манной кашей в школе, и тогда она была отвратительной. Сейчас же он ел ее с удовольствием. Каша была не просто вкусной, а фантастически вкусной. Кофе тоже был превосходным. Настоящий молотый, только что сваренный.

После завтрака Костя пошел в свою палату, и только он сел на кровать, как за ним пришла Наташа.

– Пойдемте. Пал Егорыч вас ждет, – сказала она, оживленно размахивая руками.

Костя поднялся и пошел за медсестрой на встречу с профессором, который должен сотворить с ним чудо.

Зубков любил красивое женское тело, можно сказать, он даже был идейным борцом за женскую красоту, но он никогда не был самцом, свистящим вслед каждой красивой паре ножек. Костя наслаждался красотой, но всегда держал себя в рамках приличия. Сейчас же он ничего не мог с собой поделать. Круглая попка в коротком белом халатике легонько покачивалась из стороны в сторону. Пациент шел следом и пожирал глазами хрупкую женскую фигурку.

Наташа постучала в дверь, приоткрыла ее и просунула в образовавшуюся щель голову.

– Разрешите, Павел Егорович?

– Да-да, Наташенька, – с улыбкой ответил профессор. – Давайте сюда своего Аполлона.

Посмотрим, что за недуг у него.

Наташа кокетливо улыбнулась и повернулась к Косте:

– Заходите.

Медсестра распахнула дверь, и Зубков вошел в комнату.

В комнате было темно. Плотные шторы были тщательно задернуты. Лишь настольная лампа освещала бумаги на столе и рассеянным светом касалась рук сидевшего за столом профессора. Рядом со столом стояло кресло с высокой спинкой и с подвижным сочленением с «ногой». Левее кресла стоял загадочный агрегат с множеством съемных модулей. Из двери в дальней стене комнаты вышел санитар, медленно подошел к загадочному агрегату и, заложив руки за спину, остановился возле него.

– Здравствуйте, – сказал Костя.

– Здравствуйте, молодой человек, – приветливо улыбнувшись, отозвался профессор. – Проходите, присаживайтесь в кресло. – Меня зовут Павел Егорович. Не волнуйтесь. Процедура безболезненная и без каких-либо последствий. Мы просто попробуем помочь вам вспомнить то, что вы не можете вспомнить сами.

– Да я и не волнуюсь, – ответил Зубков, стараясь не показывать естественного волнения.

– Вы знаете, что такое гипноз?

– Немного.

– Вот к его помощи мы и прибегнем.

Зубкова усадили в кресло. Санитар пристегнул его руки к подлокотникам, закрепил голову и наклонил кресло на сорок пять градусов. К голове, рукам и груди Кости санитар подключил датчики, от которых тянулись тонкие разноцветные проводки.

– Я буду задавать вопросы, а вы должны отвечать на них, – начал говорить профессор. – Не волнуйтесь, процедура абсолютно безболезненная. Расслабьтесь. Итак, приступим. Закройте глаза. В комнате кроме нас с вами больше никого нет. Вы слышите только мой голос... Только мой голос... На счет три вы откроете глаза и будете правдиво отвечать на мои вопросы. Итак... Раз... Два... Три...

Зубков открыл глаза. Он смотрел прямо перед собой, не моргая и не шевелясь. Профессор установил нужные параметры на приборной панели и задал первый вопрос.

– Как вас зовут?

– Константин.

– Где вы живете?

– В Москве.

– По какому адресу?

– Кантемировская улица, дом тридцать три...

– Вы знаете, кто такие крикуны?

– Нет.

– Где вы познакомились со Штыревым?

– Я с ним не знаком.

Профессор повернулся к своему хитроумному агрегату и, переключив два тумблера, продолжил:

– Вы знаете Зарокова?

– Нет.

– Кто еще с вами работает?

– У нас в газете большой штат, всех сразу и не вспомнишь.

- Вы агент ЦРУ?
- Нет.
- Кто вы по профессии?
- Журналист.
- Какой у вас стаж работы?
- Пять лет.
- Вы знаете Штырева?
- Нет.
- На какую разведку вы работаете?
- Ни на какую.
- Какого цвета ваша карточка?
- Не понимаю вопроса.
- С какой целью вы ездили за границу?
- Я не был за границей.
- У вас есть брат или сестра?
- Нет.
- Когда впервые вы услышали о крикунах?
- Только что от вас.
- Сколько вам лет?
- Тридцать.
- Вы знаете Мукина?
- Нет.
- Чему равен метр?
- 100 сантиметрам, 1000 миллиметрам, или $1650763,73$ длины волны оранжевой крип-тоновой линии в вакууме.
- Ого... – удивился Яншин неожиданному ответу на, казалось бы, простой вопрос. Он еще раз сменил параметры на приборе и продолжил:
- Вы знаете Федотова?
- Да.
- Как его зовут?
- Николай Петрович.
- Где вы с ним познакомились?
- В зале ожидания.
- Вы разделяете взгляды крикунов?
- Не имею о них представления.
- Ваш любимый сорт сигарет.
- Я не курю.
- Вы были участником какой-либо катастрофы?
- Нет.
- В последнее время у вас было психологическое потрясение?
- Нет.
- Вы знаете Штырева?
- Нет.
- Расскажите о своем детстве.

Разговор с профессором продолжался больше часа. Все это время Зубков сидел в кресле, глаза его были открыты и он спокойно отвечал на вопросы профессора. Постороннему человеку, зайдя он сейчас случайно в восьмую комнату, невозможно было бы догадаться, что человек, сидящий в кресле, находится в гипнотическом сне. Зубков смотрел прямо перед собой, и мимика его лица была вполне естественна. Профессор Яншин счи-

тался непревзойденным специалистом в области работы с подсознанием. Еще никому ни разу в жизни не удавалось его обмануть. Время от времени Павел Егорович прерывал беседу с пациентом, щелкал переключателями, нажимал кнопки, крутил ручки. Шкала индикатора постоянно меняла свои показания, самописец монотонно чертил на бумаге диаграмму.

После полуторачасовой беседы Зубкова вывели из состояния гипноза и проводили в палату. Костя понятия не имел, о чем его спрашивали. Он лишь спросил профессора, как все прошло, на что тот ответил, что ничего серьезного нет.

Как только Зубков ушел, профессор записал что-то в общую тетрадь и, сняв телефонную трубку, набрал номер. На другом конце провода трубку взяли не сразу.

– Владимир Ильич, Яншин беспокоит. Я только что поработал с Зубковым... Ты сейчас не занят? Я зайду к тебе, есть интересные детали.

Яншин пришел через двадцать минут. Владимир Ильич Шваркин был не только профессором, директором психиатрической клиники, но и членом комиссии по контролю за работой психиатрической медицины города. Должность в комиссии у него была не бог весть какая, но все-таки дорога на повышение была уже открыта. Со времени начала Эры Водолея область психиатрической медицины была выведена из Министерства здравоохранения и подчинена напрямую Службе государственной безопасности. Многие, на ком был белый халат, носили погоны, но практически все, кто в той или иной степени занимался психиатрией, имели синие петлицы.

Шваркин принял гостя с дежурной улыбкой на устах. Он предложил Яншину сесть в кресло, достал из шкафчика бутылку коньяку и, разлив его по рюмкам, сел в соседнее кресло. Яншин передал Шваркину результаты теста. Профессор Шваркин принял бумаги с легкой настороженностью. Он видел в Яншине соперника. Их борьба за руководящую должность продолжалась полтора десятилетия. Бегло просмотрев тесты, он понял, что не ошибся в истинных мотивах предстоящего разговора.

– Ты действительно так уверен в своей машине, Пал Егорыч? – спросил Шваркин и сделал маленький глоток коньяка.

– Я понимаю весь твой скепсис, Владимир Ильич... ты вообще больше склонен доверять ощущениям людей, нежели показаниям машин. Отчасти я согласен с тобой. Человеческий фактор и все такое, но...

– Перестань, Пал Егорыч. Если все обстоит так, как ты говоришь, то... дело-то нешуточное получается.

– А о чем я тебе говорю? – вспыхнул Павел Егорович. – Нет об этом человеке данных в компьютере! Никаких. Как будто и не жил совсем.

– Да. Я тоже навел справки, – согласился Владимир Ильич. – Данных действительно нет.

– А между тем его подсознание прозрачно. Его рассказ не вызывает ни малейшего сомнения. Этот человек говорит правду. То есть из тестов следует, что это правда. Если это болезнь, то он болеет с рождения. Если он притворяется, то он гений. Если его обработали... то гений тот человек, который обработал его.

– И что ты намерен делать?

– Я должен поработать с ним. Его нужно отпустить.

Шваркин оторвался от распечатки тестов, поднял брови и удивленно посмотрел на Яншина.

– Куда отпустить? Психа в город? Он же не в состоянии даже пропитание себе добыть.

– Не переживай так сильно за него. В подсознании наш пациент журналист. А они, сам понимаешь, народ живучий. Да и взяли его на выходе из халавки. Так что твой неандерталец очень быстро приспособился к технократическому обществу. И вообще я не имею права

упускать такой экземпляр! Если не разрешишь, то я пойду наверх. И добыю своего, ты меня знаешь.

– Ишь ты... разошелся, – огрызнулся Владимир Ильич. – Думаешь, я не знаю, чего ты так суетишься? Боишься, что твоя технология стерилизации крикунов на сторону ушла?

– Да не моя это технология! – крикнул Павел Егорович. – Потому что нет у меня никакой технологии! Пока нет. Ее сейчас ни у кого нет!

– Так откуда же он взялся?! – тем же тоном ответил Владимир Ильич.

– Не знаю! Отпустим на волю, проследим, может, что-то и выясним.

– Как ты собираешься это сделать?

– Его нужно выписать, сказать, что у него временная потеря памяти. Через полгода все начнет восстанавливаться. А пока устроить на работу в газету, дать желтую карточку второго уровня, однокомнатную квартиру поближе к Садовому кольцу. На нашу медсестру он глаз положил. Да и она на него тоже. Попросим ее... приглядеть за ним, что ли...

– В постель лечь? – улыбнулся Владимир Ильич.

– Помочь в нужную минуту, – жестко ответил Павел Егорович. У него были серьезные виды на работу с Зубковым, и насмешка Шваркина его сильно уколола. – Я думаю, она это сделает с удовольствием.

– Ну, допустим, выпустим мы его... – сказал Шваркин, подняв брови, и добавил после паузы: – И что ты надеешься получить?

– Как человек неглупый, он не будет ждать полгода, а попытается сам во всем разобраться, попытается что-нибудь вспомнить... Очень скоро Зубков будет делать то же самое, что и большинство простого народа. Начнет ходить на посиделки, может, даже к крикунам попадет. А мы присмотрим за ним, проанализируем...

А для верности поручишь Моисею взять над ним шефство. Поводить его по городу, объяснить основы нашего общества. Заодно и самого Моисея еще раз проверим.

– Так Моисей и согласился.

– Никуда он не денется и сделает все, что нам надо, даже не по-дозревая об этом. Он же давно бросил подрывную деятельность. Официальная версия нашей просьбы – болезнь Зубкова. Это и так видно. Наше общество переполнено гуманностью, так что эта просьба весьма банальна. Тем более что Моисей тоже работает в газете.

– Не в газете, а на складе расходных материалов, – поправил Шваркин.

– На складе при газете, – уточнил Яншин. – Он начальник отдела снабжения газеты. Что в конечном счете одно и то же.

Владимир Ильич встал со стула и молча подошел к окну. Мимолетный летний дождь намочил лишь асфальт и закончился. Солнце снова щедро припекало асфальт и бетон.

– Хорошо, – сказал от окна Шваркин и повернулся к Яншину. – Но запомни. Если через полгода у тебя не будет результатов... пощады не жди.

– Поживем – увидим, – ответил Яншин и вдруг, прищурив глаза, добавил: – Когда я сменю должность, тебя я уволю первым.

Сказав это, он улыбнулся сладкой улыбкой, поднялся со стула и неторопливой походкой направился к двери. Шваркин молча смотрел ему вслед и, сильно стиснув зубы, играл желваками. Уже полтора десятка лет они работали вместе и все это время вели скрытую борьбу друг с другом. Их служебное положение практически всегда было одинаковым. Время от времени кто-то из них вырывался вперед, но второй почти сразу же догонял его. Сейчас же «лестничный марш» закончился. Промежуточная площадка – кресло директора психиатрических клиник города Москвы. А дальше новый «лестничный марш» – служебная лестница Министерства Службы государственной безопасности.

Когда Яншин ушел, Шваркин подошел к столу, снял трубку с телефонного аппарата и попросил вызвать Чуева. Через десять минут санитар постучал в дверь и, получив разреше-

ние, ввел пациента. Кивком головы Шваркин отпустил санитаря. Тот развернулся и вышел из кабинета, плотно закрыв за собой дверь.

– Садись, Моисей.

– Спасибо, Владимир Ильич, – сказал Чуев, усаживаясь на предложенный стул. – Уже месяц сижу.

– Сидят в тюрьме, а ты лежишь в больнице, – многозначительно сказал Шваркин. – Здоровье у тебя слабенькое, психика пошаливает... Ну да ладно. У меня к тебе просьба. Тут у нас есть один пациент... с памятью у него плохо. Так-то он мужик головастый, а вот что было до вчерашнего утра, не помнит вообще. Естественно, не понимает происходящего вокруг. Не знает, как пользоваться информационным автоматом, как делать покупки, как найти работу...

– Ну а я здесь при чем? – не понял Чуев.

– Ты расскажешь этому сумасшедшему все, что он спросит.

– С какой это радости?

– По доброте душевной, – повысил голос Шваркин.

Профессор посмотрел на Чуева так, что тот все понял без слов.

– В принципе ты можешь отказаться, – продолжил Шваркин. – Тем более что твое здоровье, как я уже сказал, оставляет желать лучшего. Тебе еще лечиться и лечиться.

– Цивилизованному человеку не пристало разговаривать с позиции силы, – нравоучительно заметил Чуев. – Что за манеры! Угрожать беззащитному человеку – это гадко!

– Это кто здесь беззащитный? – усмехнулся Шваркин. – Человек, взорвавший вычислительный центр госбезопасности в Зеленограде? Или, может, участник июньского мятежа? Я бы даже уточнил: один из организаторов июньского мятежа. Подумать только... Прошло всего двадцать лет... За двадцать лет идеолог новой революции превратился в примерного гражданина и смиренного послушника. В это трудно поверить. Ты часом на постриг не готовишься?

– Все беды человечества от насилия, – вздохнув, сказал Чуев. – Еще Джим Моррисон говорил: «Мир хочет трахаться и убивать».

– Два основных инстинкта зверя-хищника, – равнодушно подметил Шваркин. – Что тебя в этом не устраивает?

– Что очень часто эти понятия смешиваются. Секс переходит в насилие, а насилие доводит до экстаза.

– Дядя Юра... Я тебя очень прошу... Пожалей меня, – вздохнул Шваркин. – Устал я сегодня. Продолжим эту философскую дискуссию в следующий раз. Значит, так... тебя выпишут вместе с Зубковым. Предложи ему сходить куда-нибудь, расслабиться. Кстати, он тоже не любит коктейли и тоже работает в газете. Расскажешь ему все о нашем общественном строе. Что у нас хорошего, что плохого. Как... в общем, все, что спросит.

– Мне нечего ему рассказывать.

– Ты думаешь, что есть что-то, что мы про тебя не знаем? – осторожно поинтересовался Шваркин.

– Нет.

– Ну вот видишь, тебе нечего бояться.

Чуев надулся как мышь на крупу. Он понимал, что отвертеться от уготованной ему роли невозможно.

– Кто он? – спросил дядя Юра.

– Больной человек. Помочь больному – святое дело.

– И когда нас выпишут?

– Сегодня к вечеру. Жить ему есть где. Кстати, квартиру ему поменяли, переселили поближе к тебе. У него желтая карточка второго уровня. Так что моя просьба ничем тебя не

обременит. Ну разве что свободного времени немного отнимет. Как я говорил, соображалка у него работает превосходно. Он только не понимает, в каком мире живет. Амнезия. Оставишь ему свои координаты, любезно предложишь звонить, если что. Время от времени будешь отвечать на его идиотские вопросы: что это такое и для чего. Зато я на время забуду, что ты есть в моей картотеке.

– А по мне хоть каждый день вспоминай.

– Это не ответ.

Чуев молчал. Шваркин терпеливо ждал, когда он примет решение.

– Хорошо. Я согласен.

– Только не говори ему, что я тебя заставил это сделать.

– Хорошо.

– Все. Свободен. Можешь собирать вещи. Документы на выписку сейчас оформим.

Шваркин снял телефонную трубку и начал неторопливо набирать номер. Чуев встал со стула и направился к выходу.

– Мария Федоровна? Шваркин говорит. Готовьте на выписку Чуева и Зубкова. Павел Егорович принес бумаги?..

Чуев закрыл дверь и продолжение разговора уже не слышал. Санитара у дверей не было. Он прошел по коридору до лестницы, спустился по ней и вышел на улицу. День клонился к вечеру. Чуев поднял глаза вверх и посмотрел на облака, плывущие по небу. Раз в год его, как и многих в этой стране, направляли в психиатрическую клинику на обследование. Тех, кто не представлял опасности для государства, а следовательно, и для общества, через три-четыре недели отпускали домой. Если у врачей в погонах возникали сомнения, то обследование продлевалось еще на месяц. И так до полного выздоровления. Закон не оговаривал максимального срока пребывания в клинике. Все решал лечащий врач.

«Интересно, чего это вдруг меня заставляют нянчиться с каким-то придурком? – думал Чуев, поднимаясь по лестнице в свое отделение. – Может, Шваркин просто решил поиздеваться надо мной? Да нет, чушь собачья. Я не обязан ничего делать. А все-таки интересно, кто он, этот больной».

В пять часов вечера Зубков сидел в кабинете Марии Федоровны в одежде, в которой его привезли в больницу. На столе перед ним лежала желтая карточка с двумя тонкими поперечными полосками черного цвета.

– Эта карточка, Константин, заменит вам и кошелек, и паспорт, – объясняла Мария Федоровна. – Постарайтесь ее всегда носить с собой.

Костя взял в руки карточку и повертел в руках.

– Зубков Константин Михайлович, – прочел Костя. – А фотография откуда? Да еще и палец?

– Вас к нам из милиции привезли...

– А-а-а... Понятно.

– Правильно, – подтвердила Мария Федоровна и, вздохнув, продолжила: – Значит, так, Константин Михайлович. Как я вам уже говорила, у вас временная потеря памяти. Профессор Яншин считает, что в течение полугода память должна восстановиться полностью. Или как минимум на восемьдесят процентов. А пока вы вернетесь в привычную среду.

– Это в какую? – несколько насторожился Костя.

– Из результатов тестов и обрывков ваших собственных воспоминаний следует, что вы пять лет работали журналистом.

– Ну-у да, работал, – все еще настороженно подтвердил Зубков.

– Так вот. Вам будут предоставлены место журналиста в газете «Труд», отдельная квартира. Поживете, поработаете. Не случайно говорят, что клин клином вышибают.

В дверь постучали, и она открылась. Зубков обернулся, Мария Федоровна подняла глаза. В комнату вошел дядя Юра. Следом за ним вошла Наташа. В ее руках была синяя папка.

– Вот бумаги, Мария Федоровна, – сказала Наташа и положила синюю папку на стол.

– Спасибо, Наташа, – ответила Мария Федоровна.

Взгляды Наташи и Константина встретились. Наташа чуть улыбнулась и, потупив серые глаза, вышла из комнаты. Чуев краем глаза заметил это. Как только он увидел Костю, ему сразу же немного полегчало. Судя по всему, это и был тот человек, над которым ему предлагали взять шефство. Знакомство за завтраком было очень коротким, но, увидев Зубкова во второй раз, Чуев не почувствовал ничего, что чувствовал раньше, когда встречался со скользкими людьми или профессиональными стукачами. И потом, у этого парня в глазах постоянно читалась растерянная усталость. Сумасшествие можно симулировать, но вот усталость... А психи, кажется, не устают. А может, парень очень хороший актер... Просто гениальный.

Подписав бумаги, Зубков и Чуев попрощались с Марией Федоровной и вышли на улицу. В двадцати метрах мимо центральной кухни в сторону второго корпуса прошла Наташа.

– Глаза сломаешь, – сказал дядя Юра.

– Есть от чего, – ответил Костя, провожая Наташу взглядом, пока она не скрылась за углом серого здания.

– Ладно, печальный влюбленный. Пошли сбросим напряжение.

– Можно и выпить, – шумно вздохнув, ответил Костя и повернулся к дяде Юре.

Дядя Юра молча посмотрел на него и уточнил:

– Я про девок.

Костя ответил спокойно, но не сразу:

– Или так...

Через пятнадцать минут дядя Юра вывел Зубкова к парикмахерской у метро «Кантемировская». Костя знал этот район. Когда-то он здесь жил. Или ему так казалось. Парикмахерской здесь теперь не было. Надпись над дверью гласила «Комбинат сексуального обслуживания». Костя четыре раза прочитал надпись, и каждый раз смысл ее оставался прежним.

– Ты идешь? – устав от ожидания, недовольно спросил дядя Юра.

– Спрашиваешь, – все еще растерянно ответил Костя.

Он не верил своим глазам. И если что-то влекло его войти в эти стеклянные двери, то практически голое любопытство – профессиональная болезнь репортера. Зубков первым сделал шаг, и стеклянные двери распахнулись. Дядя Юра спокойно вошел следом и через секунду натолкнулся на Костину спину. Зубков стоял у дверей и разглядывал помещение, которое все время считал парикмахерской. Изменений было не так уж и много. Вместо стен, на два метра обшитых деревом и выше выкрашенных в светло-серый цвет, были стены, обтянутые темно-малиновым бархатом. На месте гардероба был гардероб, мужской зал направо от входа, женский, как и прежде, налево. Разве что вместо убогих лавочек, обшитых дерматином, теперь стояли удобные кресла. А там, где раньше стоял кассовый аппарат, чуть левее гардероба, теперь стоял низкий стеклянный столик, за которым сидела симпатичная девушка.

Толчок в спину подтолкнул Костю к столику с девушкой. Дядя Юра легонько отстранил его и сделал два шага вперед.

– Здравствуйте, – негромко поздоровалась девушка за столиком и приветливо улыбнулась.

– Здравствуйте, – так же тихо, но без стеснения ответил дядя Юра.

– Что вы желаете? – продолжая улыбаться, поинтересовалась девушка.

– Тебе чего? – спросил дядя Юра Костю, продолжавшего разглядывать комбинат изнутри.

Зубков обернулся, явно прослушав вопрос.

– Что?.. – растерялся он. – А-а-а... Того же самого.

– Два минета, – сказал дядя Юра и достал из кармана желтую карточку.

Костя перехватил его руку.

– Я угощаю, – многозначительно сказал он и положил на стол перед девушкой свою карточку.

Дядя Юра посмотрел на него, чуть улыбнулся и, все же положив на стол свою желтую карточку, сказал с легкой усмешкой:

– Квитанции не забудь взять.

Сказав это, он подошел к креслам, где была очередь из четырех человек.

– Кто последний?

– Я, – ответил старичок лет семидесяти. Он был лыс и бодр.

В его левом ухе была серебряная серьга, на шее наушники, а на поясе проигрыватель компакт-дисков. Одет он был в синие джинсы, белые кроссовки и темно-зеленую майку. На майке красовалась надпись «Гинеколог-любитель».

Девушка повернулась вполборота и пододвинула к себе клавиатуру компьютера, стоящего на соседнем столе.

– Будьте любезны, ваши карточки, – сказала девушка, набирая что-то на компьютере.

Зубков пододвинул по столу свою карточку и повернул голову в сторону женского зала. Там очередь была побольше. И что больше всего удивило Костю, женщины и девушки в большинстве своем были фигуристыми и симпатичными.

– Пожалуйста, вторую карточку, – сказала девушка.

– Зачем? – спросил Костя. – Я же сказал, что угощаю.

– Я помню, – улыбнулась девушка. – Но мне нужно считать данные.

Костя отдал вторую карточку. Девушка по очереди вставила карточки в специальную машинку, проделала еще какие-то манипуляции с компьютером и через минуту вернула Зубкову обе карточки и две квитанции. Взяв их, Костя подошел к дяде Юре и, опустившись в соседнее кресло, протянул Чуеву его карточку и квитанцию.

Минут через десять подошла их очередь. Дядя Юра отложил в сторону журнал «Кино», встал с кресла и, отодвинув тяжелую плюшевую штору, первым вошел в зал. Еще через минуту пригласили Костю.

По размерам зал был таким же, как когда-то в парикмахерской. Только теперь в нем было восемь отдельных кабинок, по четыре с каждой стороны, со звуконепроницаемыми стенами. Возле открытой двери кабинки, дальней с левой стороны, стояла женщина лет сорока, приятной внешности, в салатовом халатике, с визиткой на левом кармане, надпись на которой гласила «Татьяна Ивановна. Мастер второго класса». Зубков протянул ей квитанцию.

– Прошу вас, – с улыбкой сказала Татьяна и взглянула на квитанцию.

Костя прошел в кабинку. Признаться, там было немного тесновато. У противоположной от входа стены стояло кресло, нечто среднее между парикмахерским и гинекологическим. Зубков стоял перед креслом, не зная, что здесь принято делать дальше.

– Присаживайтесь, – добродушно сказала Татьяна.

Костя опустился в кресло, положил руки на подлокотники и, немного смущаясь, водрузил ноги на специальные подставки в нижней части кресла. Татьяна Ивановна подошла к креслу и что-то нажала на его спинке. С легким жужжанием кресло начало опрокидываться назад. Наверное, на лице Зубкова была написана гораздо большая растерянность, чем он думал.

– Вы первый раз пользуетесь услугами комбината? – вежливо спросила Татьяна.

– Д-да. Как-то раньше не доводилось, – ответил Костя.

– Закройте глаза и постарайтесь расслабиться, – почти прошептала Татьяна на ухо Зубкову, расстегивая ремень на его брюках.

Костя послушно закрыл глаза, и немного запрокинув голову, положил ее на подголовник. Через несколько минут по всему телу пробежала приятная дрожь. Его пальцы запутались в кудряшках, изредка поглаживая маленькие теплые ушки...

Когда Зубков вышел из-за плюшевой шторы, перед мужским и женским залами практически не было свободных кресел. Окинув всех присутствующих взглядом и не заметив дядю Юру, Костя вышел на улицу. Чуева и на улице не оказалось. «Наверное, еще не вышел», – подумал Костя. На улице было тихо и свежо. Конец рабочего дня. Вечерний город спешил домой. Через минуту вышел дядя Юра.

– Ну что, домой? – спросил дядя Юра.

– Да. Пожалуй, – ответил Зубков.

После виртуозной работы мастера второго класса у него появилась некоторая уверенность, что и квартира по указанному Марией Федоровной адресу окажется именно его, и ключ к замку подойдет. Костя достал из кармана рубашки сложенный вдвое листок бумаги и прочел адрес.

– Мне на Лефортовский вал.

– Мне тоже, – сказал дядя Юра.

Костя вопросительно посмотрел на него.

– Только ты в конце улицы живешь, а я в начале.

– А откуда вы знаете?

– Наташка сказала. Мы с ней на одном этаже живем. Соседи. И слушай, давай на «ты». Если, конечно, не возражаешь.

– Не возражаю, – ответил Костя. Но его больше волновало не обращение на «ты» или на «вы», а соседка дяди Юры. Наташа живет на той же улице, это же дает огромные шансы.

– Ну что, на такси? – спросил дядя Юра. – Теперь угощаю я. Тем более что в одну сторону едем.

– В горле пересохло, – сказал Костя. – Я бы пивка выпил.

– За углом, – сказал дядя Юра, показывая рукой на кафе, расположенное между аптекой и продуктовым магазином.

Взяв по паре кружек «Жигулевского», Зубков и Чуев стояли возле круглого столика и, облокотившись на него, чистили фисташки. Дядя Юра с большим удовольствием расправлялся со скорлупой орехов.

– И давно такие комбинаты появились? – спросил Костя и сделал большой глоток пива.

– Со второго года Эры Водолея, – ответил дядя Юра, медленно пережевывая орех. – Почти две сотни комбинатов по всему городу.

– Вот никогда бы не подумал, что такое возможно. Ну, узаконить проституцию, выделить улицу под публичные дома, как в Голландии, например, это еще куда ни шло. Давно об этом говорили. Но чтоб вот так...

– Ничего удивительного в этом нет, – ответил дядя Юра. – На то и Эра Водолея, чтобы все было правильно, все для народа. Провели опрос, выяснили общественное мнение. Потом через прессу и телевидение обсудили правила, регламентирующие работу комбинатов. И все.

– А зачем она твою карточку у меня спрашивала, какие-то данные заносила в компьютер?

– Ну, во-первых, контрольная информация. Отслеживая обстоятельства жизни гражданина, его потребности, система составит оптимальный индивидуальный рекламный план

новых продуктов потребления. И для безопасности опять же полезно. Попадешь под подозрение в совершении преступления – не придется вспоминать, где ты был второго января три года назад и кто это может подтвердить. Машина ответит на все вопросы. А во-вторых, проверка семейного положения. В этот раз, даже если бы мы были женаты, нас, конечно же, обслужили бы. Ведь мы только облизать зашли, так сказать, за удовлетворением первой степени. А вот если по полной программе заказать, вот тут да. Семейных обслуживать не станут.

– Почему это?

– Комбинаты открыты, чтобы помогать людям, а не разрушать семьи. Есть жена, вот к ней и иди.

– Значит, женатых здесь все-таки могут обслужить?

– Ну а почему нет. Первая степень, пожалуйста. Может, жена заболела или супруги в ссоре третий месяц. Разводиться не собираются, а мириться никто первым не решается. В такой ситуации комбинат поможет. Благодаря этим комбинатам, и только им, нам удалось полностью изжить такое явление, как изнасилование.

– Конечно же, так и должно быть, – согласился Зубков. – Но все равно мне с трудом верится, что правительство прислушивается к чьему-либо мнению, кроме своего. Захотели открыть публичные дома и открыли. А кто и что об этом думает, дело десятое. Ну согласишься, какая баба смирится с тем, чтобы ее мужик еще с кем-то там общался. Пусть даже в первой степени.

– Хм-хм-хм, – засмеялся дядя Юра. – Ты что, женский зал не заметил? Они соглашались не для нас, а для себя. Мужья ведь разные бывают. И тех, от кого толку никакого, тоже хватает. А так заплати двадцать рублей – и сбрось напряжение. При средней зарплате в полторы, две с половиной тысячи это немного.

– А сколько стоит по полной программе? – поинтересовался Костя.

– В восемь-двенадцать раз дороже, – ответил дядя Юра. – В зависимости от класса мастера.

Он отодвинул пустую кружку и придвинул полную.

– Ого. Какая разница, – удивился Костя. – В четыре, в пять раз дороже – это еще куда ни шло, но чтобы в десять...

– А если это будет стоить копейки, зачем тогда, спрашивается, жениться и замуж выходить? А как же тогда продолжение рода? Нет, брат. Все продумано.

– Ну-у-у. Ты тоже скажешь. Семья – это совсем другое. Нормальные люди женятся не для того, чтобы на проституток не тратиться, а чтобы детей рожать, жить рядом с любимым человеком.

– М-м-м, – промычал дядя Юра. – Наверное, ты прав. Я, честно говоря, не вдавался в подробности этой темы. Когда закон принимали, у меня жена была и мне ее хватало под самый не балуй. Это уж потом...

Дядя Юра не договорил. Он сделал пару больших глотков и, отвернувшись, начал разглядывать прохожих. Костя понял, что эта тема для него до сих пор болезненная, и не стал спрашивать.

– А почему бы не совместить приятное с полезным? – спросил Костя.

– Что?.. – не понял дядя Юра.

Он повернул голову и посмотрел на Костю.

– Совместить две очереди, – пояснил Зубков. – Мужскую и женскую. Плату брать умеренную, только за предоставление помещения, санитарных услуг, ну и прочее. Все-таки первая степень, если постоянно, тоже... не того. Да и по полной программе... за деньги или по обоюдному согласию – большая разница.

– Ну-у-у... Ты фантазер... Во-первых, это же уже разврат получается, а во-вторых, подобные комбинаты дают несколько тысяч рабочих мест. Вот так-то.

Пиво кончилось, фисташки тоже. Костя порядком устал за этот день и с превеликим удовольствием упал бы сейчас на кровать. Дядя Юра испытывал то же. Костя не удивился тому, что такси подъехало, как только дядя Юра поднял руку.

Машина с замысловатым дизайном – табличка на крышке ее багажника утверждала, что это «Волга», – мягко катила по улицам странной Москвы. Дядя Юра дремал, склонив голову влево и уткнувшись виском в стекло задней двери, Костя смотрел по сторонам. Внешний вид города практически не изменился. Разве что в изобилии появились те самые непонятные автоматы. Да еще рекламные плакаты и лозунги в духе социализма, призывавшие повышать качество, соблюдать чистоту на улицах, бороться за почетные звания, стремиться к смене цвета карточки и прочее, прочее, прочее. На улицах действительно было непривычно чисто. Даже вызывающе чисто. Так и хотелось куда-нибудь плюнуть, чтобы асфальт не блестел на солнце, как новенький «Мерседес». Проезжавшие мимо автомашины не рычали двигателями внутреннего сгорания, как это было прежде, и не чадили выхлопными газами, а всего лишь приглушенно жужжали электромоторами.

Справа от водителя, развернутый к нему под небольшим углом, находился экран с планом города и желтой линией, указывающей маршрут. О подобных штуках Костя узнал еще в прошлом году на автошоу, и назывались они навигационными компьютерами. В их обязанность входило выводить на экран план заданного населенного пункта или территории. Через спутник система производила ориентацию на местности, с точностью до метра определяла свое местонахождение и выдавала оптимальный маршрут в любую заданную точку. Водитель явно скучал. Время от времени система предупреждала его о предстоящем перекрестке, цвете сигнала светофора на нем и необходимости повернуть в ту или иную сторону.

– И как только нефтяные шейхи согласились на переход с бензинового топлива на альтернативное?... – осторожно спросил Костя.

– А их никто и не спрашивал, – ответил водитель. – Всемирный совет поставил их перед фактом перехода на водородное топливо и предложил долю – ровно половину от того, что они имели в процентном отношении от мировой добычи нефти.

«Вот оно что, – подумал Зубков. – Водородные двигатели, а не электрические».

– Те, конечно, покочевряжились немного, но разве со всем миром поспоришь?

– Против лома нет приема.

– Точно. Поначалу шейхи пригрозили подать в Международный суд, дескать, монополию собираетесь создать, а Мировой совет за два дня принял новые законы. И все. ООН штука серьезная. Да и правда, сколько можно гарью дышать? Все-таки не звери какие-нибудь, а люди. Понимать должны.

– Это точно. Тяжелая работа?

– Да так... с навигатором, конечно, сподручнее, не заблудишься, но иной раз хочется педаль надавить, а он, зараза, уменьшает подачу топлива.

– Но на жизнь-то хватает?

– А кому сейчас не хватает? – спросил водитель. – Не хочешь работать – питайся в халявке. Хочешь жить получше – работай побольше. Подработать всегда можно. Включил ящик, выбрал работу по душе и поближе к дому – и готово дело. Появилось свободное время или желание потрудиться – пожалуйста. Оплата по окончании работы. Так что на жизнь всем хватает, только жизнь у всех разная.

Машина сбросила скорость и остановилась.

– Приехали, – сказал водитель.

Дядя Юра поднял голову и огляделся. Машина стояла возле дома, в котором жил Костя.

– Вот твоя деревня, вот твой дом родной, – сказал Чуев, взглянув на дверь подъезда. Костя прочел название улицы и понял, что он приехал. – Держи телефон. Звони, если что.

Зубков убрал клочок бумаги, на котором был записан телефон Чуева, в карман и, попрощавшись, вышел из машины. «Волга» тихо заурчала и медленно тронулась с места. Костя поднял голову и посмотрел на последний этаж. Архитектура оставалась практически такой, какой он ее и помнил. Разве что стиль немного изменился.

Опустив голову Костя достал из кармана ключи. На них был пластиковый жетон с адресом и номером квартиры. По тем меркам, которые Костя помнил из своего «странного сна», квартирка была вполне приличной. Комната двадцать два метра, кухня одиннадцать, санузел раздельный, телефон, окна во двор. К удивлению Зубкова, в квартире уже стояли телевизор, диван-кровать, небольшой сервант с простеньким сервизом на шесть персон и платяной шкаф. Костя взял пульт с журнального столика и включил первый канал телевизора.

«...Для приготовления блюда «Борщ киевский», – сказал с экрана молодой человек в белых одеждах и белом колпаке, – нам понадобится: двести граммов говядины, двести граммов бараньей грудинки, – Зубков сел на диван и, словно замороженный, слушал повара. Он надеялся услышать что-то необычное. – Четыреста граммов свежей капусты, четыреста граммов картофеля, двести пятьдесят граммов свеклы, две столовые ложки фасоли, – внизу экрана побежали красные буквы, дублирующие список перечисляемых ингредиентов. – Сто граммов томатного пюре, два свежих помидора, два моченых яблока...»

Зубков поднялся с дивана и вышел на балкон. Во дворе гомонили дети. На лавочке возле подъезда сидели бабушки в платочках и разговаривали, наверное, о чем-то важном. При легком дуновении ветра деревья тихо шелестели зеленой листвой. Костя вернулся в комнату, оставив дверь балкона открытой.

«Говядину нужно залить свекольным квасом и горячей водой, – продолжал рассказывать повар, демонстрируя у плиты, как и что делать. – Варить до готовности. После чего мясо нарезать кусочками, а бульон процедить. Промытые помидоры нарезать, потушить в масле и протереть через сито. Свеклу нарезать соломкой, потушить с мелко нарезанной бараньей грудинкой, залив бульоном. Коренья и лук нашинковать и слегка обжарить в масле. Двадцать граммов сала растолочь с луковицей и зеленью петрушки».

Костя выключил телевизор и пошел на кухню. Если он и услышал что-то удивительное, так это то, что для приготовления киевского борща требуется всего двадцать граммов сала.

На кухне присутствовал необходимый минимум: холодильник, электроплита, стол, шкафчики. Зубков открыл кран, из него потекла вода. Он взял стакан, налил себе воды и осторожно сделал глоток. Вода была чистойшей. Костя закрыл кран и поставил стакан на стол.

Из кухни Зубков прошел в ванную вымыть руки и умыться. Но когда увидел душевую шторку и дотронулся рукой до нежного махрового полотенца ослепительно белого цвета... недолго думая, Костя разделся и залез под душ. Теплые струйки воды забарабанили по макушке, плечам, спине... От этого он испытал блаженство: стоял, закрыв глаза, смывая с себя сумасшествие двух дней. Ему было хорошо. Сейчас он вымоется и ляжет спать.

А когда проснется, то первым делом побреется. Потом обязательно сходит в парикмахерскую и подстрижется, вон как зарос. Хотя нет, в парикмахерскую он пока не пойдет. Если в старом здании цирюльни сейчас расположился форменный бардак, то совсем неизвестно, что у них принято делать в парикмахерской. Запросто могут сделать обрезание. Нет, для начала нужно проконсультироваться с дядей Юрой. Дескать, а не знает ли он приличного парикмахера...

В голову Зубкову снова пришла мысль, что все это действительно сон и этот сон заканчивается. Сейчас он домоется, постелит постель и ляжет спать. А проснется уже в реальной жизни. А как же иначе! Если сон начался с того, что ты в нем проснулся, то закончиться он

должен тем, что ты в нем ляжешь спать. То ощущение, которое Костя испытал, входя в квартиру, говорило ему, что эта квартира действительно его. Психологи объясняют это работой подсознания. Раз все хорошо, человек пришел домой, значит, путь его окончен. Очередная стадия внутренней трансформации завершена.

Предчувствуя скорый конец странной сказки, Костя вылил на голову шампунь, заботливо кем-то купленный, и неторопливо взбил пену. После мытья головы в дело пошла мочалка. Зубков смаковал каждое ее движение по спине. Вверх, вниз. Вверх, вниз. Вправо, влево. Вправо, влево. Пар приятной пеленой окутывал все тело. Расслабление наступало медленно и неотвратимо.

Растеревшись полотенцем, Зубков провел по запотевшему зеркалу рукой и взглянул на свое отражение. Небритое два дня лицо выглядело настолько измученным, что Костя не стал одеваться, а так голяком и пошел в комнату. Постельное белье он нашел сразу же. Не раскладывая диван, Костя накрыл его белоснежной простыней, бросил поверх подушку и в буквальном смысле рухнул, накрывшись тонким летним одеялом. Господи, какая же это прелесть вот так упасть дома после душа в свежую постель и заснуть.

Зубков перевернулся на правый бок, лицом к спинке дивана, и, глубоко вздохнув, отдался всевластию Морфея. Во сне он гулял с Наташей по Сокольникам. По сценарию сна они собирались через неделю пожениться, и поэтому, медленно вышагивая по парку, Костя был счастлив.

Глава 5. Сытый голодного не понимает

Телефон звонил противно и настойчиво.

– Какая сволочь?.. – сонным голосом прохрипел Зубков и выругался.

Лежа на спине и все еще не открывая глаза, Костя вытянул левую руку в сторону, но она почему-то не нашла тумбочки. Пошарив рукой в пространстве, Зубков открыл глаза и, повернув голову налево, тупо посмотрел на сервант с простеньким сервизом на шесть персон. Телефон истошно звенел, а сон продолжался. Рывком Костя поднял корпус и сел на диване. Оглядевшись, он понял, что находится не в своей московской квартире, а в той же, где заснул. Он снова проснулся во сне. Часы показывали без пятнадцати восемь. Завернувшись в простыню, Костя вышел в коридор и снял телефонную трубку.

– Костя? – спросила трубка.

– Да.

– Дядя Юра говорит. Ты спал, что ли?

– Да... прилег на диван и задремал.

– Приходи ко мне, отметим выписку.

– Хорошо... – согласился Костя. – Сейчас... только умоюсь.

– И вот что, по пути зайти в булочную, купи пару черного хлеба, а то я зевнул, у меня четвертинка осталась.

– Хорошо.

– Записывай адрес.

Чуев жил на той же улице, что и Зубков, поэтому Костя записал лишь номера дома и квартиры. Через десять минут он вышел на улицу, а еще через десять звонил в квартиру дяди Юры. Дверь открыла Наташа.

– Привет, – сказала она, улыбнувшись.

– Привет, – ответил Костя, несколько растерявшись. Дядя Юра говорил, что Наташа живет в квартире напротив, но Костя совсем не ожидал ее встретить на пороге его квартиры.

– Проходите, – сказала Наташа.

Квартира Чуева имела точно такое же расположение, как и квартира Зубкова, и являлась точной ее копией. Разве что мебелировка была побогаче. Костя отдал Наташе сумку с хлебом, снял ботинки и вошел в комнату.

Посреди комнаты стоял большой стол, заставленный разнообразной снедью и напитками. За столом кроме дяди Юры сидели еще три человека.

– Проходи, не стесняйся, – сказал хозяин.

– Здравствуйте, – поздоровался Костя.

– Здравствуйте, – ответили все трое.

Костю усадили с правой стороны стола, напротив Чуева. Наташа принесла плетенку с нарезанным хлебом и чистую тарелку для Кости, после чего обошла стол и села рядом с дядей Юрой.

– Знакомься, – сказал дядя Юра и представил своих гостей. – Борис Евгеньевич Мухин, подполковник Службы государственной безопасности.

Широкоплечий мужчина сорока лет поднялся из-за стола и пожал Зубкову руку. Рукопожатие было крепким.

– Константин.

– Иван Данилович Богатырев. Слесарь. Если есть на свете механизм, то он его обязательно сломает. Простите, – поправился дядя Юра, – я хотел сказать, починит.

Ивану Даниловичу было за пятьдесят, но выглядел он довольно бодро. Богатырев легко поднялся из-за стола, дожевывая копченую колбаску, пожал Косте руку и сел на место.

– Евгений Владимирович Лукошкин. Доктор наук, историк.

– Очень приятно, – сказал доктор, пожав руку Зубкову.

– Взаимно, – ответил Костя.

– Наталью ты знаешь, – продолжал дядя Юра, повернувшись в сторону соседки, – ну а это, господа, Константин Зубков. Журналист.

Костя окинул стол взглядом, и в животе у него подло булькнуло. Еще бы! Последний раз он ел в больнице, за обедом, а сейчас уже давно прошло время ужина. Да и на столе тоже было что откусать: салат крабовый, салат мясной, бульон с профитролями, поросенок с хреном, голубцы под грибным соусом, гусь, запеченный с яблоками и картофелем. Холодная телятина, горячие котлеты, картошечка отварная рассыпчатая. А также икра черная, помидоры красные, огурчики маринованные, грибки соленые. А уж что касается колбасы копченой, ветчин и сыров... не перечесать.

– За встречу? – сказал Лукошкин и потянулся к бутылке.

Костя еще раз оглядел стол, не решаясь, с чего начать.

– Возьмите грибочки, очень вкусные, – сказала Наташа, протягивая Косте лоток с солеными груздями.

– Спасибо, – сказал Костя и переложил себе в тарелку четыре пяточка молодых черных груздей, засыпанных репчатым луком и залитых подсолнечным маслом.

– Наташка, ты прям как я не знаю... – сказал дядя Юра. – Мужик не жрамши с обеда, а она ему грибочки... Константин, давай налегай на мясо. Поросенок, телятина, гусь сегодня замечательный. Конечно, Наташу тоже понять можно, грибки-то она сама солила...

– Дядя Юра... – чуть повысив голос, сказала Наташа, глядя на соседа.

– А что дядя Юра? – Чуев посмотрел на соседку и тут же повернулся к Зубкову. – Константин, накладывай мясной салат. Его, между прочим, тоже Наталья делала.

Наташа сдержанно улыбнулась и, бросив на Костю быстрый взгляд, снова опустила глаза. Костя заметил этот взгляд. Его тарелка уже была полна, так как за ним ухаживали со всех сторон, но он не мог не положить еще хотя бы ложку салата.

Рюмки дзынькнули. Прохладная водка горьким ручейком стекла по пищеводу. Костя закусил груздем и приступил к поросенку. На его тарелке лежали два сочных куска с румяной корочкой. Запах жареной свинины вызвал обильное выделение слюны. Водка приятно зажгла в желудке. Костя почувствовал мягкое головокружение и с большим аппетитом начал ужин.

– Мда, – сказал Богатырев, с улыбкой глядя на Костю. – Система. Карточку дали, квартиру. Выдали телевизор, холодильник поставили, а наполнить забыли.

Все одобрительно замычали, не переставая жевать.

– Итак, господа, минуточку внимания, – дожевывая, сказал дядя Юра, положив вилку зубьями на край тарелки. – Константина я вам уже представил. Теперь я хочу вам про него немного рассказать. Ты не возражаешь? – спросил он Зубкова.

– Да нет... рассказывай. Может, и я что-нибудь интересное узнаю.

– Так вот... – сдержанно начал дядя Юра. – С Костей мы познакомились в клинике, где я проходил обследование. Выписали нас вместе. Но у Кости остались некоторые провалы в памяти.

– И большие? – спросил Мухин.

– Последние тридцать лет он не помнит. То есть он достаточно адекватно оценивает действительность, и в принципе он ничем не отличается от нас с вами, но из того, что касается Эры Водолея, он не помнит ничего. То есть как будто в другой мир попал. Я ничего не напутал?

– Нет, ничего... все в точку, – сказал Костя, расправившись с поросенком.

Если выпивать на пустой желудок, то водка действует в два раза быстрее. Зубков немного опоздал к началу застолья, но после второй рюмки уже в меру захмелел, немного насытился и размяк. Все, кто сидел за столом, за исключением Наташи, уже успели изрядно откушать и сейчас находились в сытой неге, откинувшись на спинки стульев.

– Мда, – промычал захмелевший Мухин. – Другой мир – это серьезно. Ну и как тебе у нас? – спросил он с улыбкой.

– Ничего, – ответил Зубков, – жить можно.

– Как я уже тебе говорил, – напомнил дядя Юра, – если есть вопросы – не стесняйся, спрашивай.

– Что за автоматы стоят на улицах? – спросил Костя.

– Эти автоматы, – начал объяснять Лукошкин, – в технической документации называются СЭС-2000. СЭС – Справочная электронная система. Справочная система является основой всего общественного и государственного строя. Как известно, наше общество, и не только наше, не в последней степени держится на полной, так сказать, открытости и свободе слова. «Каждый имеет право знать все обо всем и о каждом» – вот главный лозунг Лебедева.

– Кто такой Лебедев? – спросил Костя.

– Лебедев – это бывший президент России, – пояснил Мухин. – На втором году его правления было официально объявлено о наступлении Эры Водолея – эры всеобщего процветания и благоденствия.

– Так... – сказал дядя Юра и, на несколько секунд задумавшись, развернул тему в аспекте ее целесообразности. – Остановимся на машине подробнее. При помощи СЭС-2000 каждый гражданин страны может получить практически любую информацию. Ну вот, к примеру, тебя как журналиста заинтересовал некий Иванов, который является государственным чиновником и подозревается во взяточничестве. Ты делаешь на машине запрос, и она выдает тебе всю информацию на интересующего человека. Это если на улице. Дома можешь сделать запрос, войдя в систему через Интернет со своего компьютера. Все, что с этим человеком было в течение жизни, хранится в Государственной базе данных. Причем информация доступна, я подчеркиваю, практически любая. Частной тайны не существует. Я не зря привел пример с журналистом. Они этой системой пользуются чаще всех. Выйдешь на работу – сам ощутишь всю прелесть.

– Как же это так? – удивился Зубков. – Ведь частная жизнь священна и неприкосновенна.

– Глупости, – махнул рукой Лукошкин, – сказки крикунов. Именно тот факт, что про тебя всем все известно, и останавливает от совершения преступления или аморального поступка.

– Еще одна возможность СЭС-2000, – продолжил дядя Юра, – это розыск людей. После рождения ребенка, если желают его родители, ему под кожу вживляется электронный чип. Своим цифровым кодом он как бы дублирует отпечатки пальцев. Этот чип используется и как радиомаяк. С его помощью разыскивают потерявшихся детей или же просто узнают их местонахождение. Родители заходят в систему, набирают код доступа. На мониторе высвечивается карта, и на ней показано, где сейчас находится ребенок. Многие из взрослых людей после наступления Эры Водолея тоже вживили себе такой маяк.

– Зачем? – удивился Костя.

– С помощью маяка опознают тела погибших в катастрофах, разыскивают оставшихся в живых после землетрясений или просто узнают местонахождение того или иного человека. Если, конечно, он даст код доступа. Ведь, как я уже сказал, доступность любой информации о человеке – это основа нашего государства и страховка от нарушения закона. Да и для спокойствия граждан тоже нелишне... Задерживается, допустим, один из супругов, другой легко узнает, где он сейчас находится.

– Значит, все-таки если кто-то не хочет вживлять себе чип, его никто не заставит? – уточнил Зубков.

– Естественно. Чип даже можно удалить, если захочется. Свобода выбора.

– Только желающих удалить чип очень мало, – уточнил Лукошкин.

– А у вас он есть? – спросил Костя.

– Нет, молодой человек, у меня его нет и никогда не было, – сказал Лукошкин, положил себе на тарелку кусок гуся и, протянув руку к бутылке, спросил присутствующих: – Повторим?

Водку снова разлили по рюмкам. Наташа положила Косте два голубца и полила их сверху грибным соусом. Дядя Юра подложил ему бутерброд с икрой и кусок холодной телятины. Зубков поблагодарил за заботу и зацепил вилкой маринованный огурец. Соприкоснувшись, рюмки издали чистейший звук. Костя закусил маринованным огурцом и принялся за голубец.

– Магнитная карточка является и удостоверением личности, и средством платежа, это я уже понял, – сказал он, пережевывая. – Но, как я заметил, есть какое-то различие карточек в зависимости от цвета. Я видел надписи в магазинах, где одни карточки принимают, а другие – нет.

– Каждому по потребности, от каждого по способности, – ответил дядя Юра. – В этом старом лозунге есть большая доля истины.

– Потребности индивидуума в прямой зависимости от его способностей, – вставил Лукошкин и отправил в рот кусочек салями. – Цвет карточки обозначает уровень твоих потребностей.

– Условно говоря, есть три основные ступени, – продолжил дядя Юра. – Первая ступень – красный цвет. Это рабочие, служащие первого уровня и иждивенцы – люди, которые не хотят работать. Живут они, как правило, от окраины и до первого автомобильного кольца. В народе его называют кольцом «благополучия», официально – красным сектором. Каждый цвет имеет пять степеней. Вот у меня, например, кстати, и у тебя тоже, желтая карточка второй степени. Мы служащие второго уровня. Обладатели желтых карточек живут, как правило, между первым и вторым кольцом. У Бориса Евгеньевича зеленая карточка первой степени. Он военный, и не просто военный, а полковник, и не просто полковник, а полковник СГБ. Владельцы зеленых карточек, как правило, живут за вторым кольцом, то есть внутри Садового кольца. Зеленые карточки имеют руководящие работники высшего звена, ученые со степенью не ниже кандидата в доктора, военные в чине не ниже генерала. Для СГБ планка ниже. В зеленом секторе также живут художники, писатели, актеры, имеющие знаки отличия или государственные награды.

– Идея введения карточек тоже принадлежит Лебедеву, – добавил Мухин. – Их введением был нанесен сокрушительный удар по незаконной торговой деятельности. Чтобы производить денежные расчеты, нужен приемник карточек. А для его получения нужно оформить лицензию на торговлю. Вся информация с приемника мгновенно поступает в вычислительный центр.

– У нас нет бездомных, – сказал Лукошкин, – у нас нет голодных. Если ты не можешь работать или не хочешь, государство предоставит тебе прожиточный минимум. Тем самым у человека нет необходимости задумываться, где и как добыть себе пропитание. Тем самым человека не подталкивают на путь преступления. Если ты не имеешь источника дохода, два раза в месяц на твой счет перечисляется по двести восемьдесят пять рублей – минимальное пособие. Питаться можешь бесплатно, а пособие потратишь на одежду. Но таких, кто живет на пособие, очень мало. Меньше одного процента. Подавляющее большинство трудоспособного населения работает. А те, кто поначалу сидит на голом пособии, в конце концов тоже начинают работать. Берутся за неквалифицированную или за временную работу. Видя,

что твои соседи живут совсем неплохо и могут себе многое позволить... не многие остаются лежать на диване. Так или иначе, они все равно приносят пользу обществу.

Лукошкин замолчал и вернулся к жареному гусю. Зубков обдумывал полученную информацию, гости, хозяин квартиры с сытым снисхождением наблюдали за ним.

– Лебедев великий человек, – провозгласил Лукошкин, поддев вилкой лепесток сыра. – Он привел наше общество к процветанию, социальной справедливости и полному удовлетворению потребностей.

– Какая же это социальная справедливость? – возразил Зубков. – Одним можно жить в желтом секторе, а другим только в красном. Налицо как раз социальная дискриминация.

– А с чего ты взял, что с красной карточкой нельзя жить в желтом или зеленом секторе? – удивился дядя Юра.

– Ты сам сказал, что с красной карточкой живут...

– Я сказал «...как правило, живут», – перебил дядя Юра. – Живи где хочешь, никто тебе ничего не запрещает. Только стоимость жизни в каждом секторе разная. Доходов красной карточки с трудом хватит на жизнь в желтом секторе, а про зеленый вообще говорить не приходится. Между прочим, не для всех платежей в красной зоне принимаются желтые и зеленые карточки.

– Непонятно, – удивился Костя. – А почему?

– Цены в красном секторе ниже, чем в желтом. Естественно, возникает желание делать покупки там, где дешевле. А на дешевый товар тратишься легче, даже, можно сказать, играючи. Граждане с более низкими доходами, видя, как легко тратятся суммы, которые они не всегда могут себе позволить, будут относиться к этому с недовольством. Зависть, недовольство и как результат – волнения. А лучше от этого никому не станет. Так разумнее уж не искушать. С той же целью и распределение мест проживания – отсутствие ненужного искушения, зависти и соблазна. Но государство призывает к смене цвета карточки, всячески приветствует и поощряет это стремление. По телевидению показывают документальные фильмы, рекламные ролики. Они правильно выстроены с психологической точки зрения и вызывают не зависть, а ощущение, что каждый может жить лучше и достоин этой жизни.

Почти час Зубкову объясняли, что в этом обществе к чему относится и почему все именно так, а не иначе. Дядя Юра терпеливо и доходчиво отвечал на вопросы. Через час компания уже изрядно набралась, трезвой оставалась одна Наташа. Вскоре разговор перешел на обычную житейскую тему – обсуждение преимуществ и недостатков существующего строя. После восхваления существующих порядков и воспевания гения Лебедева Зубков с интересом слушал разговоры об отдельных, но постоянных «идиотизмах» Эры Водолея.

Еще через час Наташа ушла домой. Костя было собрался ее проводить, но ему напомнили, что она живет в квартире напротив. Он несколько смутился своей забывчивости, но Мухин успокоил его, сказав, что по сравнению с тридцатью годами, которые он абсолютно не помнит, забыть такой пустяк просто ерунда.

Когда все разошлись, дядя Юра вышел на улицу, чтобы проводить гостей. У подъезда все остановились и никак не могли закончить начатый разговор. Костя извинился, сказал, что сильно устал за сегодняшний день, поблагодарил всех за приятное времяпрепровождения, Чуева за угощение, выразил надежду, что эта встреча будет не последней, и, попрощавшись, ушел домой.

Ночь была тихой и теплой. С безоблачного неба смотрели ярко-белые звезды. Чуев, Мухин, Богатырев и Лукошкин сидели во дворе дома Чуева под раскидистым кленом за столиком для игры в домино и обсуждали свои наблюдения за Зубковым.

Когда дядя Юра, приехав домой из больницы, вышел из такси, он первым делом позвонил из телефона-автомата друзьям и вкратце объяснил им ситуацию. Было решено устроить

маленький ужин и всем лично познакомиться с человеком, которого приставили к Моисею и который ничего не помнит из прошлого.

– Ну что, господа, как вам наш мистер Икс? – спросил дядя Юра старых друзей. – Что скажет разведка?

– М-м-м, – промычал Мухин. – Беседу вел спокойно. Не переигрывал, эмоции выражал адекватно, похоже, был искренен. Я проверю его по нашей картотеке, но на это уйдет время. Если он провокатор – данные будут спрятаны, придется искать.

– Наташка сказала, что в информационной машине о нем нет никаких данных, – сказал Чуев.

– В дурдоме уровень доступа к информации, конечно, достаточно высок, но все же... мне нужно время.

– Интересно, – сказал Лукошкин, – зачем все-таки Шваркин его к тебе приставил?

– Понятия не имею. Может, правда он больной? Издевается Шваркин...

– А может, просто провокация, – сказал Лукошкин. – Подкинули нам дурачка и наблюдают за нами, что мы будем делать.

– А смысл? – спросил Богатырев. – Они и так про нас все знают.

– А это мысль, господа, – сказал Мухин с такой интонацией, как будто обо всем догадался. – Крикуны последнее время заметно активизировались. Возможно, есть информация, что Моисей тоже что-то затевает. Именно в этот момент к нему подсовывают топтуна. Что он тогда должен сделать? По крайней мере насторожиться. Потому что им заинтересовались как раз тогда, когда он что-то затевает.

– А дальше?

– А дальше они будут наблюдать за ним, оценивать его поведение. Если он засуетится, значит, их предположения верны.

– Не нравится мне все это, – замотал головой Богатырев.

– Ладно, – сказал Чуев, вставая из-за стола. – Утро вечера мудренее. Ясно одно. Нужно быть осторожнее.

Глава 6. Свой среди чужих

С утра шел дождь. Серое небо было затянуто тучами, мелкие капли монотонно стучали по стеклам и карнизам. Люди прятались от дождя под зонтами и плащами. Воробьи, голуби и вороны прятались по чердакам в ожидании солнца, бездомные кошки и собаки укрывались от дождя кто где мог. Природа нахмурилась и притихла.

Старенькие «Жигули», которые достались Косте вместе с квартирой, неторопливо ехали по шоссе в среднем ряду. Выдерживая паузу, щетки смахивали с лобового стекла капли дождя и снова замирали в горизонтальном положении. Зубков включил правый поворот и свернул с Каширского шоссе на Пролетарский проспект. Он не знал, каким образом попал в этот мир, но ничего другого, кроме как приспособиться к нему и выжить, Зубкову не оставалось. Прошло уже две недели с того утра, как Костя проснулся на свалке, за кирпичной стеной помойки. Он много пережил за это время и многое узнал. И, просыпаясь по утрам, Костя почти перестал надеяться, что странный сон кончится и все вернется на круги своя. Новый, чужой мир постепенно становился своим, знакомым и привычным.

Зубков включил левый поворот и свернул на Кантемировскую улицу. Внутри у него что-то шевельнулось, к горлу подкатил комок, дыхание перехватило. Память настойчиво заявляла, что он прожил на улице с таким же названием тридцать лет. Какой бы реальной ни была действительность, странные подробности то и дело всплывали в мозгу и безапелляционно утверждали о себе как о прошлом...

Когда Зубков окончил институт и, на взгляд родителей, мог сам зарабатывать себе на жизнь, отец и мать, оставив сыну двухкомнатную квартиру, уехали жить в деревню, на родину к отцу. Костин дед погиб на войне, бабушка умерла восемь лет назад. Дом в деревне был еще вполне пригоден для жизни. Сделав небольшой ремонт, отец и мать за год наладили хозяйство, завели корову, овец, поросят, не говоря уже о домашней птице. Костя остался жить в городе, женился и успел развестись...

Дождь закончился. Серые облака неспешно расползались в разные стороны, открывая голубое небо. Зубков медленно въехал во двор дома, который когда-то считал своим, и остановил машину у второго подъезда. Костя был немного взволнован. На уровне подсознания он чувствовал, что сейчас должно произойти что-то важное. То, что даст ему ниточку, потянув за которую, он, возможно, сможет распутать этот странный клубок.

В пяти метрах от второго подъезда стояла желтая «Волга» с черными шашечками на дверях и на белом фонаре, прикрепленном на крыше. Капот у «Волги» был поднят, и под ним возился человек. Костя медленно вышел из машины, не отрывая взгляда от «Волги». Дышать стало тяжелее. На заднем правом крыле была вмятина. Точно такая же вмятина. На том же самом месте...

Костя хлопнул дверцей, человек, копавшийся под капотом, распрямился. Костя замер, не имея сил сделать ни малейшего движения, как будто его парализовало. Водитель такси расценил взгляд незнакомца как странный и насторожился. Костя стоял возле своих «Жигулей», хлопая глазами и не зная, что ему делать дальше.

На Кантемировскую улицу Зубков приехал, получив редакционное задание написать статью о жизни простой московской семьи, что в этой жизни хорошего и что плохого. Редактор требовал честного, объективного взгляда на действительность. Без ретуши и недомолвок. Через справочную систему Костя еще в первые дни после выхода из больницы навел справки и узнал, что по этому адресу живет семья Ивановых. Егор Кузьмич с женой Анной Петровной и сыном Павлом. Получив от редактора задание, Костя специально поехал писать именно о семье Ивановых. Он знал, кто живет в этой квартире, и был готов к встрече. Но

сейчас на него смотрел Слава. И не просто смотрел. Слава стоял возле желтой «Волги» такси и, как всегда, проверял свечи. Слава не входил в его расчеты.

– Кого-нибудь ищите? – спросил человек, словно отражение в зеркале похожий на Славу, вытирая руки тряпкой.

«Господи! Он еще и разговаривает, – подумал Костя. – Черт, а вот я вроде разучился». Человек, похожий на Славу, насторожился еще больше.

– Семья Ивановых здесь живет? – наконец выдавил Костя.

– Д-да, – ответил таксист. – Двадцать девятая квартира.

– Спасибо, – сказал Костя и вошел в подъезд.

Слава проводил взглядом странного гражданина и вернулся к своей машине.

На втором этаже в правом углу была дверь, обитая красным дерматином. Точно такая же дверь. Это добавило смятения. Зубков боялся встретиться с самим собой. Он не мог объяснить это с точки зрения ядерной физики, но из кино и книг знал, что такое в принципе возможно. А когда человек встречается сам с собой, всегда происходит катастрофа.

Поднявшись на третий этаж, Зубков остановился перед квартирой с номером двадцать девять и замер в нерешительности. Его бил легкий мандраж. А пока Костя в нерешительности топтался на коврике, за дверью шумели.

«Какого черта я должен переться в выходной на другой конец Москвы и сидеть весь вечер с пердунами, возомнившими себя великими учеными?» – надрывался мужской бас. «Ты не спросил меня, хотела ли я ехать к твоей тетке на прошлой неделе», – орал в ответ женский, наверное, миленький, когда не ревет, как реактивный самолет, голос. «Дура! Это же было семейное торжество. Тетке стукнуло девяносто пять...» – «А это банкет. Дед докторскую защитил». – «Докторскую защитил... да ему самому доктор уже нужен». – «Минуту, – вмешался в спор голос подростка. – Это все ваши разборки! Какого лешего я должен в этом участвовать? Как будто мне заняться...» – «Заткнись!» – хором ответили родители.

Зубков нажал кнопку звонка. Ругань прекратилась. Послышался звук приближающихся шагов. Волнение усилилось. Костя снова представил, что может встретиться лицом к лицу с самим собой и случится это уже через секунду.

Дверной замок щелкнул, и дверь распахнулась. На пороге стоял небритый мужчина в белой майке и синих трениках. Его брюшко начало расти еще лет двадцать назад.

– Здравствуйте, – мягко поздоровался пузан и, заметив, что гость растерялся, приветливо улыбнулся. – Чем могу?..

Когда дверь открылась и Костя не увидел себя, ему стало намного легче.

– Егор Кузьмич?

– Да, это я, – ответил хозяин квартиры.

– Моя фамилия Зубков, я журналист.

Костя протянул удостоверение. Егор Кузьмич внимательно посмотрел его.

– М-м-м, – оживился Иванов и жестом предложил пройти в квартиру. – Прошу.

– Благодарю, – сказал Костя и шагнул за порог.

– Анюта, у нас гости, – крикнул Егор Кузьмич жене.

В жилище был легкий бардак. Нет, не свинарник, а именно бардак. Люди творческих профессий называют это художественным беспорядком. Большинство же семей это называют бардаком. Квартира не была запущена. Обои, судя по всему, переклеили месяц назад, потолок белили чуть раньше. Вот только паркет был немного зашаркан.

На зов мужа из комнаты вышла жена, завязывая на ходу новый цветастый халатик. Про таких женщин обычно говорят: ей за тридцать и все при ней.

– Здравствуйте, – сказала Анна Петровна, мило улыбаясь.

– Здравствуйте, – улыбнулся в ответ Зубков.

– Вот, Анечка, – сказал Егор Кузьмич, – познакомься. Зубков...

– Константин, – представился Зубков.

– Константин... м-м-м, – снова взял паузу Егор Кузьмич.

– Просто Константин.

– Ну, просто – так просто, – улыбнулся Егор Кузьмич. – А это моя жена, Анна.

– Очень приятно, – продолжал улыбаться Зубков.

Гостю предложили пройти на кухню. Кухня была маленькой. Холодильник, стол, газовая плита. На стене шесть шкафчиков.

– Вы завтракали? – спросила Анна Петровна.

– Да, спасибо, – ответил Костя.

– Ну от чая-то не откажетесь? – настаивал Егор Кузьмич все с той же «милой» улыбкой.

– Не откажусь, – улыбнулся Зубков.

Чайник оказался горячим. На стол поставили три чашки, чайник с заваркой, плетеное блюдо с кусками домашнего яблочного торта.

– Чем обязаны неожиданному визиту? – спросил Егор Кузьмич.

Анна Петровна присела рядом с мужем. Зубков отхлебнул из чашки и, поставив ее на блюдце, чуть-чуть отодвинул от себя.

– Наша газета хочет напечатать интервью с обычной московской семьей, – начал Костя. – Рассказать, о чем думают москвичи, чем живут... Компьютер выбрал вас.

– Надо же... – Анна Петровна, продолжая улыбаться, посмотрела на мужа, – но это так неожиданно...

– Перестань, дорогая. – Егор Кузьмич взял супругу за руку и ответил чуть ли не с восхищением: – Газете нужна наша помощь, и наш долг...

– Нет-нет, – заторопился Зубков. – Вы можете отказаться.

– Я гражданин своей страны, – со сдержанным достоинством заявил Егор Кузьмич. – Если стране нужна моя помощь, она ее получит. Поэтому спрашивайте. Я готов ответить на все вопросы.

– Спасибо, – поблагодарил Костя, и включив диктофон, положил его на стол. – Для начала... откуда вы? Где родились?

– Я коренной москвич, – первым начал рассказывать Егор Кузьмич. Голос его был тихим, слова мягкими, как будто обмазанные топленным маслом. – Всю жизнь прожил в Москве. В армии служил на подводной лодке электриком. Сейчас работаю на ЗИЛе, тоже электриком.

– А вы, Анна Петровна? – спросил Костя.

– Я родилась под Тамбовом, – с таким же воодушевлением ответила Анна Петровна. – Приехала в Москву после школы поступать в театральное училище, да по конкурсу не прошла. Честно сказать, и не жалею, не получилось бы из меня актрисы. Когда не поступила в институт, домой возвращаться не хотелось. Пошла на ЗИЛ. Работала сначала нормировщицей, потом перешла на склад, сейчас в четвертом цехе кладовщицей работаю.

– Тяжело было? – спросил Костя и сделал глоток.

– Да не то чтобы тяжело... – улыбнулся Егор Кузьмич.

– Да и не шибко просто, – перебила его жена. – Когда расписались, дали нам комнату в общежитии. У родителей Егора была двухкомнатная квартира, да сестренка подрастала, сами понимаете, две семьи... тесновато. А тут как раз указ президента вышел о предоставлении отдельного жилья всем молодоженам. Через месяц мы и переехали. Сперва в однокомнатную квартиру, а потом и в двухкомнатную.

– Ну зачем ты так? – улыбнулся Егор Кузьмич. – Не в этом дело было, не в тесноте... Просто захотелось сразу жить самостоятельно. Ну а какая самостоятельность с родителями? Они, конечно, добра желают, но все-таки хочется в своей семье самому порядку устанавливать.

– Да-да. Вы только не подумайте ничего... – забеспокоилась Анна Петровна. – Мы очень хорошо к ним относимся. Все праздники вместе отмечаем, и Новый год, и дни рождения.

– Да-а, – подтвердил муж. – Это само собой. Под Тамбов каждое лето в отпуск ездим.

– У вас сын есть? – спросил Зубков.

– Паша, иди сюда, – крикнул Егор Кузьмич.

– Ну, че-о! – послышалось из дальней комнаты.

– Зайди на кухню, сынок, – ласково позвала Анна Ивановна.

Через минуту в дверях кухни появился Павел Егорович. Мальчику было четырнадцать лет. Вид у него был вполне хулиганистый. Черные, как смоль, взъерошенные волосы торчали в разные стороны. Черные кожаные штаны слегка блестели. На загадочного цвета майке был изображен портрет какого-то модного музыканта. В глазах Иванова-младшего читалось презрение ко всему и уж тем более к тем, кто только что оторвал его от любимого занятия.

– Ну? – недовольно и лениво выдавил из себя сын.

– Поздоровайся, сынок, – сказала мать. – Это Константин Зубков – корреспондент из газеты.

– Здравствуйте, – мягко улыбаясь, ответил Паша, на глазах превращаясь в мальчика-паиньку.

– Константин хочет написать про нас статью, – продолжила мать. – Как мы живем, как работаем.

– Извините, я сейчас вернусь, – вежливо сказал Паша и ушел в свою комнату.

– А о втором ребенке не думали? – спросил Костя и допил чай.

– Ну что вы, – улыбнулся Егор Кузьмич. – Когда первого рожали, все еще не верилось, что Эра Водолея надолго. Сами знаете, какая раньше жизнь была. А хотя... Вы, наверное, не захватили старые времена... сколько вам лет?

– Тридцать, – ответил Зубков. – Сам я, конечно, почти ничего не помню, но родители рассказывали...

– Ну вот, – как будто услышав подтверждение, сказал Егор Кузьмич. – Все всегда к худшему готовились. Оно, конечно, можно бы и второго ребенка, да вроде поздно уже или нет, мать?

Егор посмотрел на жену. Та как будто немного смутилась.

– Хотите еще чаю? – спросила Костю Анна Петровна.

– С удовольствием, – ответил Костя, улыбнувшись. – Яблочный торт у вас очень вкусный.

– Аннушка сама печет, – не без гордости подметил Егор Кузьмич.

– Хотите, я вам рецепт дам? – сказала Анна Петровна, разливая чай, и, не дожидаясь ответа, начала диктовать. – Значит, так. Для начала возьмите семь яиц, триста граммов тертых яблок, триста граммов сахара, двести граммов орехов, две столовые ложки какао, шесть чайных ложек молотых сухарей, полпакетика разрыхлителя и полстакана сливок.

Зубков вежливо слушал рецепт торта, то и дело кивая головой.

– Желтки нужно растереть с сахаром до образования пены, – продолжала хозяйка, – затем смешать измельченные орехи, какао, тертые яблоки, разрыхлитель и осторожно влить взбитые белки. Выпекать лучше в духовом шкафу на слабом огне в течение 30 минут.

– Спасибо, – улыбнулся Костя и кивнул головой. – Когда буду расшифровывать интервью, обязательно перепишу рецепт.

В этот момент в коридоре появился Паша. От неожиданного зрелища Костя даже немного приоткрыл рот. В кухню зашел симпатичный мальчик в черных отглаженных брюках и белой рубашке с короткими рукавами. Ребенок был тщательно причесан и добродушно

улыбался. Костя взял себя в руки и, сделав вид, что ничего странного не произошло, потянулся за очередным куском торта.

– Садись, Паша, – сказала Анна Петровна, показав глазами на табурет, и поставила перед сыном чашку. – Вам подлить?

– Да, спасибо, – ответил Зубков.

Хозяйка в очередной раз разлила чай по чашкам, и присев рядом с сыном, несколько раз погладила его по волосам. Очень скоро Костя начал чувствовать себя пузырем.

– В каком классе учишься? – спросил Зубков.

– В седьмом «А», 577-я школа, – бодро ответил Паша.

– Нравится?

– Конечно. Столько нового каждый день рассказывают.

– А когда вырастешь, кем будешь?

– Летчиком, – ответил Паша.

– У меня отец летчиком был, – сказал Егор Кузьмич. – Теперь здоровье не то, в Домодедове, в службе управления полетами работает.

– А вы не хотели быть летчиком? – спросил Костя Егора Кузьмича.

– Хотел, до пятого класса. Потом хотел стать моряком. А когда на лодке отслужил, понасмотрелся всякого разного... Нет, думаю, армия не для меня. Я рабочий класс.

– Ну а теперь, в Эру Водолея, если бы помоложе были, пошли бы на флот?

– Однозначно, – твердо заявил Егор Кузьмич. – Это раньше в армии был бардак. А теперь-то все по уму. Теперь вообще все по уму. Вот сейчас закончит Пашка школу, и в армию его. А как же иначе? Молодежь воспитывать надо. Это в мою молодость было так, что каждый сам по себе. Отсюда и наркотики, пьянство, паскудство всякое. А сейчас стукнуло парню восемнадцать лет – в армию его. Если кто в институт поступит – в школу выживания, а девушку – на женские курсы. Зачем нужны пустые люди и неудачники? Парня научат родину защищать, правда, теперь это вряд ли пригодится, но все равно дух нужно воспитывать. А девушку подготовят к самостоятельной жизни и материнству. Тест пройдут – получают карточку. Свою собственную. Вернутся, кто из армии, кто из школы или с курсов, по однокомнатной квартире получат. Пусть привыкают жить и думать самостоятельно. Совет, конечно, им поможет. Да и родители всегда рядом. А дальше будут жить, стремиться к смене цвета карточки. Женятся, дети пойдут, им сразу дадут двухкомнатную квартиру. Вот это жизнь. А у моих стариков как было? По коммуналкам да по общежитиям мотались всю жизнь.

– Да-да, – кивала головой Анна Петровна. – Как Эра Водолея наступила, так, можно сказать, люди первый раз свободно и вздохнули. А ведь как не пускали Лебедева в президенты. И в тюрьму сажали, и убийц подсылали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.